

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

«Кафедра социально-гуманитарных дисциплин»
Филиал в г. Миассе

ЮЗ
Н 162

НАГЕВИЧЕНЕ В.Я.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЕРЕСИ И ВОЛЬНОДУМСТВО НА РУСИ

Учебное пособие

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2011

ЮЗ
Н162

*Одобрено
Учебно-методической комиссией филиала*

Рецензенты:

*Пивоваров Д.В.
Медведев А.В.*

Нагевичене В.Я.

Н 162 Религиозные ереси и вольнодумство на Руси: учебное пособие / В.Я. Нагевичене. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 54 с.

В учебном пособии рассмотрены проблемы еретических течений и вольнодумства на Руси, характерные для средневекового процесса развития мировоззрения нашей страны и имевших свое влияние на становление процесса формирования христианской философии и атеистического мировоззрения русского народа.

Пособие предназначено для самостоятельной работы студентам всех специальностей, а также рекомендуется для более глубокого изучения истории русской философии, религиоведения и философии культуры.

ББК Э372. 24 + ЮЗ(2)6

© Издательский центр ЮУрГУ. 2011

ВВЕДЕНИЕ

После принятия христианства на Руси развернулась мощная языческо-волхвистская оппозиция. Сведениями о ней пестрят памятники книжной старины. Например, в «Повести временных лет» от 1377 г. написано: «Сиць бе волхв встал при Глебе в Новгороде; глаголет бо людям, творяся аки бог, и многы прельсти, мало не всего града... И быть мятеж в граде, и вси яша ему веру, и хотету погубити епископа. Епископ же, взем крест и облекся в ризы, ста рек: «Иже хочеть веру эти волхву, то да идетъ за ню; аше ли веруетъ кто, то ко кресту да идетъ». И разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его должна его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятеж велик между ними» [1, с. 118]. Крещение Руси во многих городах совершалось насильно, иногда «огнем и мечом», особенно в Новгороде, поэтому народ еще долго оставался в старой вере, видя в пришедшем христианстве религию князей и бояр.

Языческо-волхвистская оппозиция послужила социальной базой для проникновения на Русь общехристианских ересей, которые постоянно сопровождали церковь с первых веков ее существования. Они в огромной степени стимулировали развитие «самобытного мудрования» на древнерусской почве. Наибольшим влиянием среди них пользовались арианство и богомилство, служившие предтечей различным еретическим (стригольники, жидовствующие), а также научным и даже атеистическим формам мировоззрения.

Глава 1 ЕРЕТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

Термин «ересь» в греческом языке первоначально использовался как «выбор, направление, течение». В иудейско-эллинистической культуре, на фоне которой зародилось и развивалось христианство, этим термином обозначали «философские или религиозные школы». К примеру, так называли иудейские религиозно-политические партии – фарисеев и саддукеев. Соответственно, это понятие изначально носило описательный и вполне нейтральный характер.

Негативный смысл слово «ересь» впервые приобрело в новозаветных посланиях. Логика этого превращения такова, что, поскольку истину и жизнь человека можно обрести только во Христе, то любая альтернатива автоматически обрекает людей на гибель. Соответственно этому, апостол Петр говорит о «пагубных ересях», а апостол Павел помещает «ереси» в один ряд с грехами волшебства и идолослужения. Следуя примеру апостолов, ранняя христианская церковь использовала термин «ересь» для обозначения учения, расходящегося с христианской ортодоксией, или группы лиц, отколовшихся от церкви вследствие приверженности такому учению.

В разговорной речи «ересью» называют любое сознательное отрицание или искажение того учения, которое говорящий человек считает истинным.

Эти еретические учения на Русь проникали как со стороны Запада, так и Востока, находили последователей среди населения, которое было недовольно официальным христианством или социальной политикой русского самодержавия.

АРИАНСТВО

Своим возникновением эта ересь обязана александрийскому пресвитеру Арию, жившему в конце III – начале IV вв. Написанные им религиозные гимны были рассчитаны на ремесленников, матросов, грузчиков. Свое учение он изложил в книге «Талия». Главным противником арианства выступил Афанасий Александрийский. Он потребовал осуждения этого учения на Никейском соборе 325 года.

Арий утверждал, что Бог не всегда был Отцом, поскольку не всегда был Сын. Последний родился из не бытия, потому что Бог, оставаясь Богом, сотворил Его из «не сущего», то есть из Ничего. «Сущий Бог, – пояснял он, – сотворил из не сущего Сына тем же изволением, которым и все сотворил, произвел, создал, восхотел, чтобы пришло в бытие». Следовательно, Христос есть Сын Божий не по истине, а только «по причастию». Бог выделил Его из всех существ за совершенство «нрава» и непреложность в «добре». «И мы можем сделаться сынами Божиими, – доказывал Ария, – Бог избрал Христа из всех прочих сынов потому, что знал о Нем, что Он не отвернется. Не потому избрал Его, что Он по естеству имеет нечто особенное и преимущественное перед прочими Сынами по существу и не по какому-либо естественному отношению Его к Богу, но потому, что, несмотря на изменяемость своей природы, он через упражнения себя в нравственной деятельности не уклонился к худому; так что если бы равную с этим силу показывали Павел и Петр, то их усыновление нимало не отличалось бы от его усыновления». Арианство превращало Христа в идеал высоконравственной личности, разрушало иерархические устои церкви.

Учение александрийского пресвитера пустило глубокие корни в древнерусском обществе. Его влияние возрастало по мере углубления антагонизма между церковью и народными массами в XVI в.. Ярким приверженцем арианства был холоп-еретик *Феодосий Косой*, которого современники сравнивали с Мухаммедом и Мартином Лютером. При Петре I арианские идеи проповедовал «лекарь» *Дмитрий Тверитинов*, едва не ставший жертвой преследований местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского. Высшим пиком русского арианства явилось толстовство, стоившего его создателю анафематствования вплоть до сегодняшнего дня и отлучения от церкви.

1. 2. БОГОМИЛЬСТВО

Богомилство в Западной Европе начало распространяться с XI века, также как и в Киевской Руси. Важной предпосылкой для этого стало этническое и языковое родство между болгарами и русскими, создававшее условия для общения между ними. Это общение стало особенно частым с начала X века, когда Киевская Русь вступила в экономические отношения с Византией и средневековой Болгарией, и через болгарские земли начали проходить русские торговцы. Так усиливалось духовное общение между двумя народами, которое создавало благоприятные условия для обмена разнообразными взглядами и идеями.

Очень существенный толчок укреплению связей между болгарами и русскими дало крещение Киевской Руси в 988 году. После этого акта, совершенного по византийскому обряду, Киевская держава прочно вошла в лоно восточно-православной культуры, к которой уже давно была приобщена средневековая Болгария. Этим были созданы благоприятные условия для распространения и в русском народе славянской письменности и просвещения, главным центром которых была Болгарская держава. Из болгарской земли начался постоянный приток книг религиозного и светского содержания, которые проникали в образованные слои русского общества и находили там почву для распространения. Среди этих книг были не только произведения официальной литературы, предназначенные для нужд церкви и феодальной прослойки, но и сочинения народного характера, с апокрифическим и даже еретическим содержанием, возникавшие в Болгарии, прежде всего, в связи с учением богомилов. Сочинения такого рода в Киевской Руси находили спрос преимущественно среди низшего клира и среди широких слоев населения. Они были написаны на понятном языке, и это создавало условия для сильного воздействия на народное сознание.

Апокрифическая и еретическая литература обязана своим влиянием не только тому обстоятельству, что была написана на понятном для местного населения языке, но и тому, что в X – XI веках в киевском обществе были налицо внутренние предпосылки для восприятия и популяризации такого рода литературы. Хорошо известно, что в это время на Руси уже установились феодальные отношения. Возникли и все более обострялись противоречия между сельским населением (смердами), с одной стороны, и боярской прослойкой с другой. Как во всякой православной державе, здесь важную роль в утверждении феодального строя начала играть созданная в 988 году церковь.

Эта ересь получила свое название по имени основателя болгарского попа *Богумила*, жившего в X веке. Учение богомилов отражено в двух дошедших до нас литературных памятниках, принадлежащих самим еретикам: «Тайной книге», в которой излагается их космогоническая концепция, и «Беседе на новоявившуюся ересь Богумила» Козьмы Пресвитера, современного богомилам болгарского книжника-полемиста.

По воззрениям богомилов, некогда существовал только добрый Бог и его ангелы, управляющие по его воле семью небесными сферами и четырьмя основными стихиями: огнем, водой, землей, воздухом. Был у него также сын Сатанаил, во всем равный своему Отцу, кроме силы творчества. Страдая от зависти, он попытался поднять бунт, чтобы поставить свой престол рядом с престолом Господа. Бог узнал о черном замысле Сатанаила и низверг его на землю, бывшей еще хаотической и неупорядоченной. Сатанаил решил ее преобразовать и создал горы и моря, растения и животных, новое солнце и новое небо. Из его рук вышло и тело человека, однако ему не удалось оживить его; тогда он обратился к Богу, который и наделил это тело душой. Так появились Адам и Ева, а затем и все человечество.

Захватив с согласия Бога власть над людьми, злой творец стал их единственным повелителем. На протяжении тысячелетий он мучил человеческий род, толкая его на всевозможные преступления с помощью разного рода демонов и лжепророков, вроде Моисея. Наконец, Бог сжалился над людьми и, желая спасти их, послал им своего второго сына Иисуса. Он был Логосом, Словом Божиим, и Мария родила его по видимости, дав плоть призрачно, а не в действительности. Мнимо же он умер на кресте, распятый по наущению Сатанаила. Поэтому он исполнил волю Всевышнего и заключил Сатанаила в ад, отняв предварительно от его имени последний слог «ил». Но недолго пребывал там Сатана: по отшествии Иисуса к своему Отцу, он вырвался из ада и снова взялся за прежние злодеяния. Таким образом, возникла потребность в повторном пришествии Сына Божьего, без чего стало невозможно восстановить в мире попорченное право и утвердить справедливость.

На основе этого общемировоззренческого дуализма богомилы выработали свое антицерковное и антифеодальное учение, которое проповедовали тайно, посвящая в него только простых людей, трудников. Прежде всего, они отвергали иконы, не признавали литургию и поклонение кресту. Они не почитали Богоматерь и даже хулили ее, высмеивали веру, мощи и реликвии, говоря, что таким образом Сатана вводит в заблуждение легковверных людей. Причастие богомилы называли жертвоприношением в пользу демонов, а хлеб и вино – совсем обыкновенными. Смешно думать, утверждали они, что во время причастия человек воспринимает плоть Христа; если бы это происходило на самом деле, тело его, будь оно больше самой большой горы, давно было бы съедено. Особенно ненавистен им был духовный сан – священники, монахи, духовные иереи. Они критиковали их за то, что те живут не так как «повелено», «но противне вся творят попове, упиваются, грабят, и иное зло в тайне творят, и нет им воспреещающего от тех делех злых». Из молитв богомилы признавали только «Отче наш», поскольку она содержалась в Новом завете, который они признавали единственно божественным и толковали аллегорически. Вследствие этого их критика церковных установлений получила рациональное звучание, образуя пеструю смесь доводов религиозного характера и доводов, основанных на разуме.

Возводя сотворение мира к дьяволу, богомилы полагали далее, что Богу противно всякое земное служение, всякий земной обычай. По их мнению, не подобает жениться и выходить замуж, добиваться земного богатства и прелюбодействовать, есть мясо и пить вино. Все это установил дьявол на пагубу и соблазн человеку.

Отсюда понятен и смысл богомильского отрицания труда. Богомилы выступали против представителей светской власти, уклонялись от каких-либо обязательств перед ними. Как писал Козьма Пресвитер, они «учат же своя си не повиноватися властителем своим, хулящее богатя, царя ненавидеть, ругаются старейшинам... и всякому рабу не велят работати господину своему». Такова была теория богомилов, за которую их ожесточенно преследовали.

Богомилство отличалось страстной политической энергией, социальностью, несло яркий протест против угнетения и эксплуатации. На Руси оно с самого начала сблизилось с арианством и активно формировало религиозное мировоззрение и идеалы крестьянских масс, питало «самобытное мудрование» в древнерусском обществе.

Социальные противоречия, усиливавшиеся в Киевской державе с первой четверти XI века, находили свое выражение в частых волнениях в городах и сельской местности (в 1024, 1066 – 1068, 1071, 1088 годах). Эти волнения, как свидетельствуют данные источников, прежде всего русских летописей, были связаны с языческой реакцией, с антицерковными настроениями. Недавно окрещенный, русский народ все еще не мог забыть своих старых верований. Ему был чужд и неприемлем христианский монотеизм, ставивший на место многих богов одного Бога. Отрицательно относились русы к появлению церковного сословия, одаренного привилегиями и отличавшегося по образу жизни от остального народа. В языческое время подобного сословия не существовало. Ненависть к православной церкви и прежде всего к ее высшим представителям усиливалась еще и тем обстоятельством, что высший клир проповедовал, что всякая власть от Бога, и оправдывал этим социальное угнетение.

Наряду с языческой реакцией, нашедшей свое выражение в волнениях и бунтах XI века, недовольство населения начало проявляться и в форме дуалистических взглядов. Пример этого мы находим в проповеди двух так называемых «волхвов», то есть колдунов, чародеев, стоявших во главе крестьянского восстания в Ростовской области в 1071 году. В споре с подавителем восстания, княжеским слугой Янем Вышатичем, волхвы отвергли высказанную им мысль, что Бог сотворил человека. «Вот как был создан человек, – возразили они ему, – Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, – в землю идет тело, а душа – к Богу». Янь им сказал: «Воистину, вас прельстил бес. В какого бога веруете?» – А те ответили: «В антихриста» – Он им сказал: «Где он?» – Они ответили: «Сидит в бездне...» [1, с. 134]. Там злой дух назван Сатанаилом. Этот кратко переданный в русской

летописи фрагмент о верованиях волхвов ясно свидетельствует о господствовавшем в их среде дуалистическом мировоззрении. Церковный взгляд на Бога как создателя человека отрицался, и было воспринято представление, что человеческое тело сотворено сатаной и только душа приходит от Бога. Это представление имеет несомненный богомильский характер и отражает проникновение богомильских взглядов и их уже значительное влияние в русском народе. При этом, как мы видим, эти взгляды находили понимание, прежде всего, среди сельского населения и его неформальных руководителей («волхвов»). Это не случайное обстоятельство. Оно связано с социальным и антифеодальным характером богомильского учения, находившего понимание, как в Болгарии, так и на Руси, прежде всего, среди сельского населения.

О распространении дуалистических взглядов в русском обществе есть и другие свидетельства в разных источниках. Характерным примером является разговор между жителем Новгорода и «волхвом». В этом разговоре видно господствовавшее в определенной среде убеждение, что во вселенной существуют два вида божеств – добрые и злые, одни из которых живут на небе, а другие в дольном мире. «Ваши боги, – говорил волхв – на небе. Если умрет некто из вас, вознесется на небо, а если умрет некто из наших, отходит к нашим богам в бездну. Дуалистический характер этих верований очевиден. Интересно также, что здесь речь идет о большом числе божеств, а не только о двух – Боге и сатане, как в богомильстве. Такие представления характерны для людей, все еще не изживших языческих верований, господствовавших в русском обществе в X – XI веках. Вообще же православные, дуалистические взгляды переплетались с языческими, и это смешение было характерным для мировоззрения известной части населения Руси в рассматриваемый период.

Представителям церкви, разоблачавшим еретиков-дуалистов в XI – XII веках, было ясно, что эти взгляды связаны с непосредственным влиянием болгарского богомильства. Поэтому как в Италии и Франции, так и на Руси, имя «болгары» стало появляться в произведениях отдельных авторов в смысле «еретики», то есть народ, проповедующий не православные представления. Пример этого находим в одном полемическом сочинении (сохранившемся в списке XV века), отражающем борьбу между приверженцами монотеизма и дуализма. В этом сочинении критика направлена против тех, кто считает, что Бог не является единственным и бессмертным творцом и что создателем людей был языческий Род (языческое божество, в данном случае играющее роль сатаны). Подобные не православные, дуалистические представления, по словам автора, тамошние еретики распространяли «согласно сарацинским книгам или словам проклятых болгар». Упоминается, следовательно, участие болгар, как носителей дуалистического богомильского мировоззрения, которое, смешавшись со старыми языческими верованиями, и которое нашло себе путь в определенные слои русского общества.

Получить представление о роли болгар, как распространителей ереси на Руси, позволяет так называемое «Слово некоего христороубца и ревнителя по

правой вере», составленное, вероятно, в XI веке. В этом произведении содержатся нападки на «плохих христиан», все еще живших своими языческими обычаями и не соблюдавших требований церкви. По словам автора, эти люди были хуже и еретиков, и евреев. Так имя «болгары» все больше становилось символом еретиков, приносивших на Русь смущение духа и распространявших не православный, дуалистический взгляд на мир.

Проникновение в русский народ богомильского влияния было связано с распространением и популяризацией ряда произведений, шедших из болгарской земли. Среди важнейших сочинений такого рода могут быть упомянуты «Видение» Исая; Енох, Варух, «Житие Адама и Евы» (с апокрифическим эпизодом об адамовой записи); апокрифический «Апокалипсис» Иоанна; «Евангелие» Фомы (Евангелие детства); «Прение Христа с дьяволом»; «Хождение Богородицы по мукам» и др. Произведения попа Иеремии проникали на Русь и находили там распространение. Кроме того, среди русских ходили и некоторые созданные под влиянием богомильства дуалистические рассказы, среди которых важное место занимала уже упоминавшаяся «Легенда о Тивериадском море». Эта легенда была особенно популярна в ряде областей на Руси, как свидетельствуют несколько ее вариантов, сохранившиеся в русской редакции. С течением времени эти дуалистические рассказы, известные под характерным названием «болгарские басни», претерпевали некоторые изменения, результат индивидуального творчества их распространителей. Ими были восприняты и доработаны отдельные мотивы, на основе которых постепенно появлялись новые, значительно отличающиеся от первоначальных произведения. В этих произведениях смешивались богомильские и православные взгляды, как это происходило с такими же дуалистическими произведениями в средневековой Болгарии. Подобно болгарским, и русские рассказы, созданные на дуалистическо-богомильской основе, передавались из поколения в поколение в течение столетий.

Распространение богомильских взглядов в русском обществе XI – XII века вызвало острую реакцию со стороны официальной церкви. Эта реакция нашла свое выражение в составлении произведений, чьей главной целью было возразить еретикам. Одним из этих произведений явилось уже упоминавшееся «Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере», которое вошло в число популярнейших антиеретических произведений рассматриваемого периода. Антиеретической направленностью обладало и так называемое «Слово Иоанна Златоустого». Борьба с ересями того времени отражена и в канонической литературе и особенно в русском Номоканоне («Кормчей книге»). Особое внимание церковь уделяла отреченным (апокрифическим) писаниям, которые были собраны в специальные списки (индексы). Первый индекс такого содержания был распространен уже в XI веке. Он был помещен в известный «Святославов сборник» 1073 года как перевод соответствующего греческого индекса. В XIV веке был выработан уже особый русский индекс, возникший на местной почве, который был составлен на основе греческих и

болгарских индексов запрещенных книг. В XV и XVI веках появились новые русские индексы, в которые было включено еще большее число произведений, объявленных церковью вредными и неподходящими для чтения.

В борьбе против еретиков-дуалистов большую помощь духовенству на Руси оказала «Беседа Козьмы Пресвитера» против богомилов, поэтому она получила широкую популярность и использовалась представителями русской церкви, как целиком, так и в выдержках. Есть основания утверждать, что это полемическое сочинение было известно русскому обществу уже в конце шестидесятых – начале семидесятых годов XI века.

1. 3. СТРИГОЛЬНИЧЕСТВО

Если мы вновь обратим взор к русской земле, где в XI и XII веках влияние богомильства было достаточно сильно, то увидим, что и в позднейшую эпоху еретическая мысль продолжала удерживать там свои позиции. Это нашло свое выражение в учении так называемых «стригольников», которое вызывало серьезную смуту в церковной среде в течение полутора веков. Предполагается, что стригольничество возникло около середины XIV века в Новгороде. Первые гонения против этой ереси были предприняты в 1375 году тамошним архиепископом Арсением. Главный ее распространитель дьякон Карп был сброшен вместе со своим приверженцем Никитой с большого городского моста в реку Волхов. Будучи разгромлено в Новгороде, стригольничество нашло себе почву в начале XV века в городе Пскове. Представления, разделявшиеся стригольниками, начали распространяться в конце XIV века и в Москве. Это можно обозначить уже как вторую фазу антицерковного движения. Одним из деятельнейших представителей московских стригольников был *Федор Курицын*, неоднократно упомянутый в полемических сочинениях, составленных в то время.

При анализе источников видно, что дуалистическое мировоззрение было не чуждо стригольникам, хотя они, в отличие от богомилов, и не разработали целостной системы, включавшей космогонические, христологические и эсхатологические представления. Сильнейшее впечатление в их проповеди производили острые нападки на духовенство. Подобно богомилам стригольники отрицали институт церкви и считали церковное сословие излишним. Они проповедовали, что священникам вообще не подобает приобретать имущества и богатства, и утверждали, что, если священнослужитель дурной и порочный человек, то совершаемые им обряды ничего не стоят. И в этом их взгляды показывают сходство с богомильскими. Они скептически относились к учению о воскресении мертвых и сомневались даже в евангельском рассказе о воскресении Христа. В одном из полемических сочинений, известном под заголовком «Сказание о новопоявившейся ереси», против них направлено обвинение в том, что они считали Христа не Богом, а обычным человеком.

Сходным с богомильством было их понимание церковных обрядов и символов. Они не признавали причастия, в котором не находили ничего святого; отвергали культ икон; считали излишним посещение церкви, так как там обитала

злая сила, – утверждение вполне в духе их дуалистических представлений. Верующий, говорили они, может молиться, где пожелает.

Подобно богомилам, стригольники считали, что основой истинного христианства являются новозаветные писания и особенно четыре евангелия, которые они знали очень хорошо. Но почитание евангельского текста носило совершенно иной характер по сравнению с тем почитанием книг, которое проповедовалось православной церковью. Стригольники читали Евангелие не слепо и без рассуждения, а размышляли о нем, чтобы иметь возможность обосновать и убедительно подтвердить свое понимание. Подобный критический взгляд на «святые книги» считался опасным отклонением и свободомыслием.

Сходство между взглядами стригольников и богомилов не могло остаться незамеченным современникам «новоявившейся ереси». Заслуживает внимания одно послание новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова), составленное в 1489 году, то есть в то время, когда опасность еретической проповеди была особенно сильна. В этом послании русский архиерей характеризует стригольничество как «маркианскую и мессалианскую ересь» (марькинаския глаголю месалианския) [2]. Геннадий допрашивает своих собратьев, к которым было направлено это послание, нет ли у них каких-нибудь антиеретических сочинений, которые могли бы послужить ему в борьбе с еретиками. Среди других упомянута и «Беседа Козьмы Пресвитера» против богомилов. Очевидно, новгородский архиепископ видел в учении стригольников такие представления, которые сближали его с болгарским богомильством. На это указывает и название еретиков «маркионитами» и «мессалианами» и необходимость для борьбы с ними сочинений вроде «Беседы Козьмы Пресвитера». Вообще «Беседа», получившая распространение в русской земле еще в XI – XII веках, становилась все более популярной. С нее продолжали изготавливаться все новые и новые списки, помещенные в ряде русских сборников XV – XVII веков. Наряду с такими списками, которые передают содержание «Беседы» целиком, продолжали списываться и отдельные выдержки из важнейших отрывков, направленных против богомильства. Это, конечно, не случайно. Это результат того обстоятельства, что между еретическими учениями, распространенными в русской земле в тот период, и учением богомилов, описанным Козьмой Пресвитером, существовало несомненное сходство. В этом смысле полемическое сочинение, написанное темпераментным и осведомленным болгарским клириком, стало для русской церкви полезнейшим оружием в борьбе с ее противниками.

Основателем стригольничества считается псковский дьякон *Карп*, «художеством стригольник», как сообщается в одном полемическом сочинении XVI в.. Из Пскова стригольничество быстро перекинулось в Новгород, найдя отклик у посадских людей и низшего клира. Церковные власти, обеспокоенные распространением ереси Карпа, приняли самые суровые меры. В летописи 1375 г. сказано: «Тогда стригольников побиша, дьякона Микиту, дьякона Карпа и трете человека его, и свергоша их с моста». Но с казнью руководителей стригольничества, это религиозное еретическое движение не исчезло. Оно

захватило еще большие слои населения и начало влиять на церковную политику московских князей.

Учение стригольников отрицало необходимость посредников между верующими и Богом, они называли священников «лихими пастухами», разбойниками. Не признавали церкви, ее таинств, обрядов. Молиться предпочитали «духовно» – под открытым небом. У стригольников было свое писание, которое выражало сомнение в воскресении мертвых, поэтому отрицали поминки и милостыню за умерших. Сердцевину взглядов стригольничества составляла проповедь нестяжания, морального самосовершенствования. О церковных пастырях они отзывались как о «пьяницах», «на мзде поставленных», которые «едят и пьют вместе с пьяницами» и взимают от них злато, серебро и порты от живых и мертвых». Многие их того, чему учили новгородско-псковские еретики, совпадало с богомилскими воззрениями, находясь в непосредственной преемственности с ними.

Примечательной особенностью стригольничества было то, что оно использовало обряд поклонения земле, которой приписывалась способность прощать и отпускать грехи. Сведения об этом содержатся в «Поучении против стригольников» (1386 г.) епископа Стефана Пермского. «Еще же, – писал он, – и сию ересь прилагаете, стригольницы, велите земли каятися человеку... А кто исповедается земли, то исповедание не исповедание есть: земля бо бездушна тварь есть, не слышит и не умеет отвечать и не воспретит согрешающему. Того дня (ради) не подает Бог прощения грехов к земле исповедующемуся». Отмеченный факт имеет принципиальное значение для понимания истоков мировоззрения стригольничества, так как свидетельствует о наличии в нем элементов народной языческой религиозности.

Другим подтверждением языческой ориентации древнерусских вольнодумцев служит обожествление ими неба. Два вероисповедных момента – поклонение земле и обожествление неба – сближают стригольничество с традицией народного язычества, ставят его в прямую зависимость с волхвистским движением.

1. 4. ЕРЕСЬ СТРИГОЛЬНИЧЕСТВА: ВОЛЬНОДУМЦЫ ИЛИ КОЛДУНЫ?

Феномен стригольнической ереси продолжает оставаться во многих отношениях загадкой, несмотря на то, что исследованию этого движения посвящено значительное количество литературы. Большинство дореволюционных русских исследователей склонны были считать стригольническую ересь произведением русской почвы [3, с. 150 – 164]. Другие исследователи (Н.К. Тихонравов, А.Н. Веселовский, Ф.И. Успенский, В.Ф. Боцяновский) допускали влияние западноевропейских (флагелланты) или византийских (богумильство) ересей [4].

В советской историографии, как правило, акценты делались на подчеркивании антицерковного характера движения стригольников, элементы социального (антифеодалного) протеста в ереси безмерно преувеличивались. Н.М. Никольский впервые предложил рассматривать ересь стригольников в качестве протестантско-реформационного движения, аналогичного лютеранству [5, с. 71 – 75]. Это особенно видно в исследованиях Н.П. Попова, где была сделана попытка связать с ересью стригольников ряд памятников книжности XIV – начала XV вв.: сборники «Златая Чепь», «Измарагд», «Трифоновский сборник» (РНБ. Соф. 1262), «Фроловская псалтирь» (РНБ. Ф. н. I.3.) [6]. Концептуальное оформление указанная трактовка получила в трудах Н.А. Казаковой, академика Б.А. Рыбакова и А.И. Клибанова [7].

В западной литературе широко распространено мнение о том, что «стригольничество» следует рассматривать как своеобразную вариацию богомилства на русской почве. Уточняя исходную посылку исследования, следует сказать, что не стоит связывать наши знания о стригольнической ереси с представлениями о сколько-нибудь последовательном учении, противостоящем церковному.

В отсутствие систематического богословия на Руси не было и ересеучений в том виде, в каком их знала Западная церковь. На сегодняшний день, очевидно, что всерьез обсуждать вопрос о еретической книжности не приходится. Последние исследования доказывают полную безосновательность таких попыток. Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, те черты, по которым исследователи пытаются составить сколько-нибудь систематическое представление о стригольничестве, нельзя объединить в рамках одного целостного ересеучения. Перед нами, скорее, лишь отдельные элементы отклонений от церковной жизни, которым характер системы постарались придать в своих обличительных сочинениях православные иерархи. Вопрос о том, в каком отношении находились эти отклонения к предшествующей церковной традиции, должен получить разрешение в процессе исследования.

Представляется, что наиболее перспективным путем в изучении стригольничества является его рассмотрение в контексте процессов углубленной христианизации Руси. В этом случае протесты стригольников против практики обязательной исповеди и заупокойных вкладов являются не следствием какого-либо ересеучения, но, скорее апелляцией обыденного сознания к церковной практике XI – XIII вв., когда для основной массы новообращенных важнейшим фактом считалось крещение, а исповедь, правила заупокойно-поминального культа, и даже сколько-нибудь регулярное посещение церковных служб, оставались достоянием верхушки правящего слоя, среди которого, впрочем, они также не получили общего признания. Вспомним, что послания Константинопольского патриарха Нила и митрополита Фотия, обличавшие стригольников, обращены, в первую очередь, к псковичам. В них содержится не столько полемика со стригольниками, сколько увещание не слушать их.

Но, почему же глашатаями протестов против изменений в церковной практике стали именно стригольники? На чем был основан и чем оправдан их, несомненно,

высокий авторитет в средневековом обществе? На наш взгляд, одним из ключей к решению проблемы ереси стригольников может служить этимология слова «стригольник». В названии ереси исследователи были склонны усматривать целый ряд значений:

1) указание на профессию ересеначальника Карпа (цирюльник или стригаль сукон);

2) указание на лишение его сана диакона (расстрижение);

3) свидетельство первоначальной принадлежности еретиков низшему клиру;

4) особый и неизвестный нам обряд приема в секту;

5) гебраизм, указывающий на тайный характер секты и ее связь с иудаизмом.

Специфика имеющихся в нашем распоряжении источников как будто не позволяет сделать однозначный выбор в пользу какой-либо версии происхождения термина «стригольник».

Большинство дореволюционных исследователей связывали это название с обязанностью Карпа постригать новопоставляемых дьяконов. Е.Е. Голубинский предположил, что термином «стригольник» обозначалось ремесло цирюльника [8].

То, что в построениях Е.Е. Голубинского выглядело остроумной догадкой, в работе Н.М. Никольского, отождествившего «стригольничество» с ремеслом стригаль-суконщика, обрело концептуальное значение [5, с. 71 – 75].

Предложенная Н.М. Никольским этимологизация термина «стригольник» позволяла жестко связать первую русскую ересь со средой городского ремесленного плебса, которой в рамках марксистской схемы отводилась главная роль в антифеодальной борьбе. В последующей историографии мнение Н.М. Никольского получило наибольшее признание. Работы А.Л. Хорошкевича, А.П. Пронштейна и других исследователей в некоторой степени позволяли обосновать правомерность такого толкования [9]. Но уже А.И. Клибанов высказал резонные сомнения в том, что, «среда ремесленников-суконщиков, столь деятельно откликнувшаяся на лозунги нового движения», передала ему свое наименование [10, с. 134].

Попытку согласовать два наиболее распространенных значения термина «стригольник» (обряд пострижения в секту и ремесло стригалей сукон) предпринял А.В. Поппэ, согласно его, в высшей степени затейливому предположению: «Народ со свойственным ему юмором сопоставил обряд пострига, совершаемый еретиками, со стрижкой сукна» [11, с. 207]. Если согласиться с таким толкованием, то следует допустить, что название ереси дала шутка, укоренившаяся в быту и усвоенная высшей иерархией русской церкви. На сегодняшний день наибольшим признанием продолжает пользоваться этимология слова, предложенная Н.М. Никольским. Однако, это скорее сила инерции, нежели обоснованное предпочтение.

Миф марксистской историографии, трактовавшей ереси исключительно как форму революционной борьбы городского посада против церковных феодалов, найдет немного сочувствия у современных исследователей русского средневековья. Поэтому связь между ремесленной средой древнерусского посада

и ересью вовсе не выглядит убедительно обоснованной. Самое раннее упоминание стригольного ремесла встречается в 1565 г. [12, с. 18].

Можно допустить, что значение термина «стригольник» в смысле ремесленник старше стригольников-еретиков. Однако и в этом случае устойчивое наименование еретиков стригольниками не поддается объяснению. Сперва следовало бы доказать, что название ереси дало существительное, образованное от глагола «стричь» или «стригать». В любом случае тот авторитет, которым пользовались стригольники в Пскове и Новгороде трудно связать со статусом суконщиков. Оппозиция стригольник-священник, столь часто встречающаяся в источниках, будучи переведена как суконщик-священник, кажется лишеной смысла.

Кроме того следует учитывать, что совершенно независимо от названия ремесла на Руси XV в. известно прозвище «Стрига» (князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский), а близ города Великого Устюга, например, протекает река Стрига. Поэтому позволим себе предложить новую этимологию термина «стригольник», которая лучше бы согласовалась с показаниями источников. В погодных статьях Новгородской 4-ой и Софийской 1-ой летописях 1375 г. кратко сообщается о казни еретиков. Известие в Новгородской 4-ой летописи лаконично: «Тогда стригольников побиша: дьякона Микиту, дьякона Карпа и трие его человека». В отличие от приведенного известия, статья в Софийской 1-ой летописи называет стригольников еретиками, а Карпа именует «простецом» (т.е. мирянином). Сравнение летописных статей дает небольшой материал для заключений, но позволительно думать, что наименование «стригольники» не было целиком тождественно названию ереси.

Анализ значений, в которых употребляется название «стригольник» в «Поучении» Стефана Пермского, являющегося наиболее ранним и подробным источником, приводит к следующим выводам. Наименование «стригольник» было хорошо известно адресатам Стефана, оно было устойчивым и применялось к группе лиц, до поры не имеющих отношения к ереси. Начало ереси, насколько можно понять из «Поучения» положил стригольник Карп, от которого ересь и получила свое название. В глазах епископа Стефана «стригольничество» представляло собой нечто такое, что поставленное в ряду с отлучением от церкви, должно было подчеркнуть ничтожество Карпа, «воздвигнутого дьяволом» на борьбу с правой верой. Только послание константинопольского патриарха Нила избегает наименования «стригольники», во всех остальных обличительных посланиях русских иерархов наименование «стригольники» употребляется.

В своих посланиях в Псков образованный грек митрополит Фотий также именуется еретиков «стригольниками». Следует иметь в виду, что в соответствии с византийской практикой все новоявившиеся ереси определялись восходящими к иудаизму, варваризму, скифизму или эллинству. Тот факт, что и епископ Стефан и митрополит Фотий предпочли именовать еретиков «стригольниками» нуждается, как нам кажется, в объяснении. Иоанн Дамаскин в статье «О стригах» понимает под этим именем колдуний, пьющих кровь у младенцев. В римской, византийской и восточно-романской мифологии «стригами» именовались

вампиры или колдуны-оборотни, особенно опасные для детей, но способные также насылать дожди или засуху. Подобные представления были также широко распространены в средневековой Западной Европе [13].

В сборнике законов венгерского короля Коломана (начало XII века) содержится специальная статья, направленная против веры в «стриг», как языческого пережитка. Упоминания «стриг» часто встречаются в ведьмовских процессах, ставших особенно частыми на исходе Западного Средневековья. Как показал Карло Гинзбург, представления о «стригах» как о центральных персонажах, вредящей человеку и хлебным злакам черной магией, противостояли персонажам магии плодородия, так называемой «*Benandanti*».

Здесь впору вспомнить одного из самых загадочных персонажей русского языческого пантеона – Стри-бога. В 980 г. он упоминается в «Повести Временных лет», фигурирует он и в «Житии святого князя Владимира», а в «Слове о полку Игореве»; ветры названы «Стрибожьими внуцами». Исходя из данных лингвистики (было замечено, что моравские чехи называют ветер, приносящий непогоду *stri*) исследователи находят возможным считать Стри-бога божеством воздуха или, во всяком случае, приписывать ему функции управления атмосферой. Д.К. Зеленин полагал, что функции Стрибога гораздо шире, и он олицетворяет злое начало. По его мнению, следует «выводить это имя древнерусского языческого божества из сътри-бог, то есть сотри, уничтожь – Бог – разрушающее начало» [14, с. 268].

Л. Нидерле обратил внимание, что в одном из древнейших источников для изучения славянской мифологии – отрывке из «Слова Иоанна Златоуста», упоминаются лишь два бога – Стрибог и Дажьбог [15, р. 119].

По этой причине следует принять во внимание наблюдения В.В. Иванова и В.Н. Топорова, отметивших, что соотношение Стри-бога и Дажь-бога сродни соотношению Чернобога и Белобога у балтийских славян [16].

Отсюда мы находим возможным заключить, что Стрибог считался олицетворением злого начала, враждебного плодородию. Данное толкование хорошо сочетается с тем, что мы знаем о «стригах» как о персонажах черной, вредоносной человеку и производящим силам природы, магии.

Из вышеприведенного рассуждения отнюдь не следует, что под «стригами» или «стригольниками» следует подразумевать жрецов Стри-бога. О скольконибудь иерархически упорядоченном пантеоне языческих богов, равно, как и о строго организованных системах их культа, на Руси в дохристианский период говорить, по-видимому, не приходится [17, с. 52].

Наименование псковичей и новгородцев «стригольниками» носит в посланиях Стефана Пермского и митрополита Фотия расширенный характер. Сами обличительные послания иерархов, по сути, описывают набор распространенных суеверий, придавая им систематические свойства ереси.

Но чей же авторитет псковичи противопоставляли авторитету священников и архиереев, за что стали жертвами народной (несанкционированной церковью) расправы диакон Карп и его люди? Полагаем, что речь идет о знахарях, ведунах и ведьмах, которые традиционно пользовались громадным влиянием на Руси. Вера

в «стриг» еще в начале XX века была зафиксирована учеными-этнографами в Варнавинском уезде Костромской губернии. Существовало поверье, что «стрига» в виде одетой в белое женщины стрижет колосья на чужих полосах, чаще всего в полночь на Ивана Купалу. Отмечалось, что своя «стрига» есть в каждом селении, причем подозрение со стороны односельчан способны навлечь необщительная женщина или мужчина, в особенности, «если у них бывает более хлеба, чем у других» [18, с. 491].

Материал, представленный в монографии современной исследовательницы Л.Н. Виноградовой, позволяет подкрепить вывод о том, что представления о «стригах»-ведьмах были широко распространены среди славян [19].

Данные факты, которые, как нам кажется, позволяют обоснованно связать веру в «стриг» с подозрениями в колдовстве, заставляет обратить внимание и на эпизод, произошедший в Пскове в период современный известиям о «ереси стригольников». Речь идет о сообщении Псковской II летописи 1411 года, где читалась заметка о том, что псковичи сожгли 11 «вещих женок». Это обстоятельство позволяет несколько иначе оценить те места послания Фотия в Псков, где говорится о наказании стригольников лишь торговой казнью, то есть, битьемкнутом. Перед нами не столько призыв к репрессиям, сколько попытка поставить наиболее вопиющие проявления народных суеверий под контроль церковной и светской властей. Озабоченность митрополита объясняется тем, что главную опасность он усматривал в неспособности церковной организации сколько-нибудь эффективно бороться с суевериями, царящими в среде уже давно считавшихся (и считавших себя!) христианами псковичей. По-видимому, тесно связанной с верой в «стриг» была и деятельность ведунов или знахарей.

Главным занятием знахарей являлось лечение болезней. Но наиболее могущественным и авторитетным среди них приписывалась и способности повелевать тучами, вызывать дождь или засуху, губить приплод скота и урожай хлебов. Известно, что еще в XIX в. знахари все недуги производили от «уроков, призору, или сглазу» и олицетворяли их в образе 12 лихорадок [20, с. 224].

Заговорить лихорадку значило назвать все ее имена, ряд которых в некоторых вариантах замыкало сакральное полуимя – «стрига» [21, с. 10].

Стремление уберечься от враждебных стриг, служивших персонификацией лихорадок, влекло за собой желание прибегнуть к защитной магии. Ярким примером здесь могут служить амулеты-змеевики, давно ставшие предметом исследования в церковно-исторической науке и в археологии. На Руси варианты сказания о 12 лихорадках и заговоры против них были заимствованы, по-видимому, из Византии и получили самое широкое распространение [22].

Особенной популярностью пользовалась молитва святого Сисиния, в которой перечислялись 12 имен лихорадок. Представляется, что от последнего полуимени лихорадки – «стриги», ведуны могли прозываться в народе «стригами», а их последователи и, шире, те, кто в них верил – стригольниками.

Предложенная гипотеза позволяет по-новому осмыслить и факт казни стригольников в Новгороде в 1375 г. Выше было показано, что авторитет «стриг» в народе покоился на связи с культом плодородия. По своей форме (утопление в

реке Волхове) казнь стригольников является сугубо языческой и находит свое объяснение в страшных бедствиях – проливных дождях, заливавших поля новгородцев. Известно, что в 1374 – 1376 гг. новгородскую землю постиг страшный неурожай, причиной которого были ливневые дожди, погубившие посевы. Как мы помним, одной из способностей «стриг» считалось умение вызывать дождь или засуху. Причиной казни стригольников послужило, скорее всего, то обстоятельство, что во время стихийных бедствий внимание народа устремлялось к служителям бога (или языческих богов), которых считали ответственными в первую очередь за то, или иное состояние природы. В народном сознании стригольники предстали ответственными за природные катастрофы, и их публичная казнь призвана была умиловить стихии. Казнь «стригольников» в 1375 г. являлась вопиющим нарушением православной традиции отношения к еретикам и, по всей видимости, совершилась вопреки церковной власти.

По наблюдениям Я.С. Лурье материалы по стригольникам были включены в митрополичий формулярник спустя сто лет после своего написания, в период ожесточенной борьбы с ересью жидовствующих. Лишь в сочинениях Иосифа Волоцкого и в Никоновской летописи, составленной под руководством его ученика митрополита Даниила, факт казни стригольников представлен свершившимся по инициативе и с санкции церковной власти. Судя по тому, что некоторые из них (Карп, Никита) в летописях названы диаконами, до поры эти верования не возбуждали преследований со стороны духовенства. По всей видимости, ситуация конфликта «стригольников» с церковью возникла позднее их казни. Год казни отделяет от поучения Стефана Пермского около 10 лет. Представляется, что «стригольники» были вовлечены в конфликт с церковью в ходе процессов глубинной христианизации Руси, которые бурно развивались со второй половины XIV в. И только позднее эти, во многом языческие, представления были квалифицированы церковными иерархами как ересь.

Таким образом, следует признать, что первая русская ересь своим главным компонентом имела языческие представления, которые вполне органично сочетались в сознании большей части новгородцев и псковичей с христианскими. Только в ходе процессов углубленной христианизации XIV – XV вв. стала обнаруживаться несовместимость этих представлений. По этой причине «стригольничество» не может рассматриваться в одном ряду с ересями Западного Средневековья: павликианством, богумильством, катарами, альбигойцами и другими. Последние в самом широком смысле могут быть охарактеризованы как варианты извращения христианского вероучения. Что же касается «ереси стригольников», то это глубоко своеобразное произведение русской почвы было квалифицировано в качестве ереси только спустя столетие после своего возникновения.

1. 5. ЖИДОВСТВУЮЩИЕ

С подавлением стригольничества антицерковное движение на Руси возродилось во второй половине XV века в форме «жидовства» – ереси антитринитариев. Они углубляют критику официальной церковной доктрины, содержащуюся в идеологии их предшественников. Новая ересь нашла многочисленных последователей в самых разных слоях московского народа. «Аще кто и не отступи от жидовства, – писал Иосиф Волоцкий, – то мнози научающаяся от них писания божественная укоряти, и на торжищах и в домах о вере любопение творяху, и съемнение имяху. И толико бысть смущение в христианах, яковаже никогдаже быша, отнелиже солнце благочестия начат восияти Русской земли».

Наивысшая активность движения антитринитариев приходится на рубеж XV – XVI вв. Именно в этот период русской истории наблюдается бурная вспышка народной религиозности, с одной стороны, и последующее развитие скептицизма и свободомыслия – с другой. Дело в том, что конец XV века – пора мучительного и напряженного ожидания «второго пришествия Христа». В 1492 г. заканчивались те самые «седьм тысяч» лет, которые христианство отводило существованию мира, опираясь на библейский миф о семи днях творения. В соловецкой пасхалии против этой даты написано: «Зде страх! Зде скорбь! Аки в распятии Христове сей круг бысть, сие лето и на конце явиси, в нем же чаем и всемирное твое пришествие».

Церковь искусно подогрела эсхатологические настроения в русском обществе, ссылаясь на бедствия и неурядицы в самой действительности. Конечно, в еретической среде эсхатологические пророчества воспринимались скептически. Так, еще стригольники, отрицая воскресение мертвых, объявляли ложной идею «конца света». Однако их критика не могла иметь особого успеха вследствие простого хронологического казуса: все должно разрешиться само собой и в назначенное время. Вот почему страх и робость, владевшие людьми и до наступления злополучной даты, по прошествии ее сменились самым решительным скептицизмом, неверием в «богодуховенность» евангельских и отеческих писаний. Сам митрополит Зосима, этот «злобесный волк», по выражению обличителей, доказывал: «А что то царствие небесное? А что то второе пришествие? А что то воскресение мертвых». Ничего такого несть! Умер кто ин, то умер, по та места и был».

Вольнодумство распространилось повсеместно. Наибольшей была группировка тех, кто, отвергнув новозаветные книги, сохранили вместе с тем религиозный пиетет в отношении «Моисеева закона». Это и дало повод называть их «жидовствующими». Вслед за стригольниками они выступили против церковной иерархии и поставления на службу «по мзде», требуя дешевой и праведной церкви. Отрицали необходимость украшения храмов, не признавали церковных таинств, мощей, икон, игнорировали монашество.

Кроме того, еретики считали ложным само евангельское учение о божественности Христа. Бог, заявляли они, не имеет никакого сына; он

единосущен и сопределен себе. И если в Писании говорится о слове Бога, то это обычное слово, которое произносится языком и воспринимается слухом. Монахи называют его Христом, а он еще не родился, когда же родится, будет Сыном Божиим, но не по существу, а только по благодати, как Моисей, Давид и прочие пророки. А тот, кто слывет Христом-Богом, был простым человеком, его распяли на кресте, и он истлел в могиле.

Совершенно очевидно, что московские антитринитарики менее всего были апологетами ветхозаветной религиозности. Хотя они критиковали христианское учение о Троице с позиций библейского монотеизма, их целью в данном случае была не сама защита «Моисеева закона», а его реабилитация под прикрытием последнего свободолобивого мышления, естественнонаучных знаний. В этом нас убеждает факт широкой образованности и начитанности еретиков, признаваемый даже их оппонентами. Им были известны такие книги, которые не вращались в церковной среде, как особая псалтырь, именуемая в литературе «Псалтырь жидовствующих»; «Аристотелевы врата» – сочинение, излагающие наставления, данные будто бы Аристотелем Александру Македонскому, и разделенное на «врата», то есть главы; «Шестокрыл» – астрономические таблицы, по которым предсказывал небесные явления еретик Иван Черных, член московского кружка вольнодумцев, а также многие известные представители государственного аппарата (дьяки Федор и Иван Волк Курицины, Истома Старший и т.д.). Эти книги были переписаны Эллинским летописцем в 1485 г., а также «Лествица» Иоанна Лествичника (пер. Киприяна 1387 г.) в 1487 г., оказавшие существенное влияние на древнерусскую мысль. В обращении у московских антитринитариев находилась также «Книга, глаголемая «Логика»» и «Логика Авиасафа». В первой из них давались разъяснения терминов логики, перечислялись виды суждений и «уемов» – отрицательных суждений. Обсуждалась проблема силлогистического мышления. В «Логике Авиасафа» содержалась характеристика основных источников познания, давалось подразделение логики на отделы. Переводчики трактатов много потрудились над созданием древнерусской логической терминологии; всех терминов зафиксировано около 150. Некоторые из них перешли в позднейшие труды по логике, вошли в академическую философию XVII в.

По мнению еретиков, знание не враждебно Богу, напротив, потребность в нем заложена в самой природе человека. В принадлежащем им «Написании о грамоте» на вопрос «Коеа ради вины грамота состроена?» – давался ответ: Бог, сотворив человека, наделил его «самовластием ума», чтобы он познал добро и зло, «путь откровения изяществу и невежеству».

По мере умножения рода человеческого стала возрастать в людях «злоба», от которой «изнемогаша ... человецы». «Сия виде Бог и милосердова о человечестве рода, не хотя оставити в забвении своего создания человека рода, но всю на разум приводя и на спасение, яко Бог милостив, благоволи на се состроити грамоту». От грамоты люди «собирают ум» и приходят к познанию Бога, «и тоя рад вины, – резюмировал автор, – грамота состроена, да искуснее

будут человецы и не удаляются от Бога». По логике антитринитариев, не Сын Божий спасает человечество, а грамота, знание.

Прославление еретиками разума, знаний свидетельствовало о пробуждении в московском обществе конца XV – начала XVI вв. стремления к образованности, просвещению. В их постановке проблема грамоты приобрела широкое культурно-историческое значение, способствовала подрыву основ православной ортодоксии.

Жидовствующие – это иудейское еретическое движение в Древней Руси последней трети XV — начала XVII вв. Оно пыталось насаждать в Русской церкви *иудаизм*. Жидовствующие отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, учили соблюдать закон Моисеев, хранить субботу и праздновать иудейскую пасху. Они отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание, все священные предметы, службы и обряды. Особенно ненавидели они монашество.

Свое название данное движение получило от слова «жидовство». Продолжая тысячелетние традиции тайных иудейских сект, жидовствующие выступали против христианского учения, отрицали Святую Троицу, хуля Сына Божия и Святой Дух. Они отвергали Божество Спасителя и Его Воплощение, не принимали спасительных Христовых Страстей, не верили Его Воскресению, не признавали они и всеобщего воскресения мертвых, отрицали второе Пришествие Христова и Его Страшный Суд. Они не признавали Духа Святого как Божественной Ипостаси.

В 1480 г. ересь проникла в Москву через новгородских священников-жидовствующих Алексея и Дениса, приглашенных Иваном III, и назначенных протопопами Успенского и Архангельского соборов. Первоначально движение вызвало большой интерес среди образованного духовенства и придворных. В течение нескольких лет ересь развивалась тайно, лишь в 1487 г. несколько пьяных священников в Новгороде стали открыто хулить православную веру. В этом же году архиепископ новгородский Геннадий начал активную борьбу с жидовствующими.

К 1488 г. сущность вероучения жидовствующих под влиянием гонений и религиозных споров существенно видоизменилась, перейдя к полному отрицанию большинства христианских догм и истин.

Ересь жидовствующих, кроме чисто духовного аспекта, имела и определенную экономическую подоплеку. Жидовствующие требовали от церкви отказаться от владения земельным имуществом и крепостными, тогда как многие землевладельцы, страшась скорого конца света, передавали церкви свои владения, чтобы монахи молились за них «до скончания времен» – «подушная молитва». После присоединения в 1478 г. Новгорода к княжеству Московскому Иван III изъял в свою пользу более половины земельных владений богатейших новгородских монастырей, чем фактически занял сторону жидовствующих.

Следующим шагом Ивана III было изъятие в свою пользу земель у московских монастырей, что вызвало негодование московских иерархов и их стремление

присоединиться к противодействию жидовствующим. В 1488 г. архиепископу Геннадию удалось собрать церковный собор, постановивший казнить всех еретиков.

В 1491 г. архиепископ Геннадий собрал второй собор, который предал сторонников ереси из духовенства проклятию и приговорил их к заточению. Тем не менее, борьба с ересью была затруднена, так как еретики имели сильную поддержку при дворе (особенно в лице снохи Ивана III Елены) и среди руководства церкви, в частности нового митрополита московского Зосимы, полностью следовавшего политике Ивана III и, вероятно, также бывшего сторонником жидовствующих. Деятельность жидовствующих на практике не была наказана, и сектанты лишь временно прекратили активную деятельность.

После 1492 г. деятельность жидовствующих вновь активизировалась. Это было связано с тем, что 1492 год считался концом VII тысячелетия с сотворения мира и, согласно Ветхому Завету, концом мира. По прошествии 1492 г. жидовствующие получили в руки мощное идеологическое оружие против православной церкви в виде ошибочного предсказания конца мира, неоспоримо доказывающего ложность ветхозаветных преданий. Сами жидовствующие использовали летоисчисление по иудейскому календарю.

В 1495 г. противникам жидовствующих удалось сместить митрополита Зосиму. В 1499 г., путем сложных дворцовых интриг, московское духовенство вызвало недовольствие Ивана III придворными сторонниками ереси.

В 1502 г. Елена и ее младший сын были арестованы. На соборе 1503 г. одному из главных противников жидовствующих – Иосифу Волоцкому – удалось уговорить Ивана III совершить на закате жизни душеспасительное дело – наказание еретиков. В результате несколько еретиков были преданы проклятию и казнены, остальные отправлены в тюрьмы. С этого времени ересь постепенно теряет свое значение и исчезает.

Жидовствующие возбуждали в малодушных и маловерных верующих сомнения в некоторых местах Священного Писания, и прежде всего в Новом Завете; соблазняли и с помощью распространяемых ими отреченных, то есть осужденных церковью, книг — пособий по тайным наукам — и искаженных списков Священного Писания; пользовались и всем доступным им арсеналом иудейского чернокнижия и колдовства.

В организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая конспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства; ритуал, включающий «обряд» поругания святыни; формирование системы «учитель — ученик» вне традиционных православных представлений.

Являясь непримиримыми врагами христианства, жидовствующие скрывали ненависть к нему, втайне рассчитывая постепенно разрушить его изнутри. Перед людьми, твердыми в вере, еретики представляли себя «добрыми христианами» и «образцовыми ревнителями православия».

Новое активное начало ереси жидовствующих относится к 1471, когда в Новгород в свите князя Михаила Олельковича из Киева прибыл жидовин Схария («Захарья евреянин», «Захарья Скарья жидовин») князь Таманский. Этот хорошо

образованный и обладавший большими международными связями жидовин принадлежал к иудейской секте караимов, имевшей широкую сеть своих организаций в Европе и на Ближнем Востоке. Караимы относились к одному из течений иудаизма, выполнявшему почти все его установления, но признававшего Иисуса Пророком. Караимство возникло в VIII в. в Вавилонии, вобрав в себя мелкие иудейские секты и восприняв традиции саддукеев. В отличие от иудеев-раввинистов, руководствовавшихся преданием и Талмудом, караимы считали себя вправе обращаться к закону Моисея без посредников.

К числу наиболее почитаемых книг в этой секте, кроме Пятикнижия Моисея (Торы), относились сочинения Анан бен Давида, Моисея Маймонида и Аль-Газали, а также труды по каббале, астрологии и другим оккультным наукам. Как сообщал святой Иосиф Волоцкий, основатель секты Схария «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконению и астрологии». Еще с X века караимы имели тесные связи с Иерусалимом и Константинополем. Иерусалим X века был связан с Троками (местечко Трокай в Литве) — позднего средневековья через плодотворное посредство караимского центра в византийском Константинополе. В XIV — XV вв. караимы активизировались в Византии, Турции, Болгарии и на Руси.

До возникновения ереси жидовствующих иудейская секта караимов уже предпринимала свое антихристианское наступление на Русь в XIV — XV вв.. Это наступление можно усмотреть в секте стригольников, действовавшей в Пскове, от которого рукой подать до Троков в Литве — одного из главных центров караимов.

Создавая секту жидовствующих в Новгороде, караим Схария, по-видимому, выполнял задание одного из международных иудейских центров и учитывал опыт деятельности стригольников. В короткий срок этому иудейскому конспиратору удалось сколотить тайное общество, численностью, по меньшей мере, в 33 человека, из которых 27 составляли священники, их ближайшие родственники, дьяконы и клирики.

Быстрое распространение иудейской ереси в русской духовной среде объяснялось состоянием православного вероучения и церковной литературы в XIV—XV вв. Исторически сложилось так, что в состав служебных книг вошло немало элементов, отражающих скорее иудейскую, чем православную традицию вероучения. В русских рукописях оказалось значительное число материалов, входивших в «круг важнейших синагогальных праздничных и будничных чтений. Псалмы, найденные у еретиков, оказались еврейским молитвенником «Махазор». Архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Варлаам заметил по их поводу: «Ни в одном из псалмов этого перевода нет пророчеств о Христе». Н.С. Тихонравов сделал вывод, что это не Псалтирь Давида, а молитвы иудейские, употребляемые при богослужении, в которых ярко просвечивается иудейская оппозиция (неприязнь) учению о троичности лиц Божества [23, с. 226].

В XV в. по еврейскому тексту было исправлено Пятикнижие Моисея, в иудейской (не греческой) традиции переведена книга *Пророка Даниила*. Иудейский перевод «Есфири» появился вообще в конце XIV в. И.Е. Евсеев отметил, что этот перевод свидетельствует о «высоком и исключительном

уважении переводчика к еврейской истине. В местах христологических пророческих выразительно внесено понимание раввинское». «Здесь мы имеем, — заключает исследователь, — вековую литературную традицию перевода с еврейского». «Шестокрыл» с иудейским летосчислением, «Логика» Моисея Маймонида, астрологические трактаты, атеистические сочинения Раймонда Луллия были широко распространены в русских рукописях XV—XVI вв.» [23, с. 246].

Иудейские традиции просматривались и в так называемой хронографической редакции «Толковой Палеи». Представленная рядом рукописей, начиная со 2-й половины XV в., она содержала большое количество апокрифического материала, имеющего иудейские источники.

Длительное существование иудейской книжной традиции на Руси объясняет в немалой степени успех пропаганды Схарии. Посеять сомнения, основываясь якобы на канонической книге, было основным способом обратить народ в ересь. Этот механизм обращения в ересь был показан в сочинении инок Зиновия Оттенского, разоблачающего ересь Феодосия Косого.

1. 6. ЖИДОВСТВУЮЩИЕ ИЛИ СУББОТСТВУЮЩИЕ

Происхождение секты жидовствующих и сущность учения их заключается в ряде причин. Проблески религиозной мысли и рационализма в XVI веке у русского народа, выразившиеся в ереси жидовствующих, были лишь временно остановлены жестокими гонениями против них. Как естественное следствие борьбы с ересью жидовствующих является необыкновенное развитие обрядового благочестия, в свою очередь приведшего к расколу. Средневековые гонения, предпринятые против раскольников в конце XVII в., вызвали мистические движения. Наступившая при Петре III веротерпимость дала возможность проявиться остаткам прежнего рационализма, который в дальнейшем развитии находил поддержку в изменившихся условиях внутреннего быта, а также в близком знакомстве с иностранными выходцами и колонистами. В этом течении рационализм разложился на два направления: в одном он подвергся влиянию западных протестантских воззрений и проявился в форме учения Дмитрия Тверитинова, неправильно названного жидовским учением, и в его разветвлениях: молоканстве, штундизме и проч.; в другом — рационализм сохранил ветхозаветный характер и послужил началом секты жидовствующих. Ум русского человека, как бы переставшего удовлетворяться традиционным учением своей религии, обратился к еврейской религии, установленной в Ветхом Завете, который само христианство считает боговдохновенным; отсюда, особенно во второй половине XIX в., возникло стремление заимствовать формы ветхозаветного учения от евреев. Отсутствие евреев (не имеют права жительства во внутренних губерниях) в центрах этой секты, чрезвычайная разбросанность и затруднительность общения друг с другом вызывают полную неопределенность учения. Последнее не представляет законченного целого и распадается, главным образом, на три толка: а) субботники (в миссионерской литературе —

субботники-караимиты); в Тамбовской губернии их называют староиудеями или бесшапочными. Бесшапочные не признают Талмуда, а считают единственным источником веры Ветхий Завет; б) молокане-субботники. Они, признавая Евангелие, считали, однако, необходимым исполнять в точности все правила и заповеди Ветхого Завета. Позднейшей традиции (святоотеческая литература и соборные постановления) они не признают; в) талмудисты или шапочники, так как не сидят дома без шапок [24].

В XVIII веке антихристианское движение проявилось в виде *секты субботников*, большая часть которых располагалась в западнорусских землях, получая постоянную антихристианскую подпитку от местных иудейских общин.

С разрешения Екатерины II большое количество жидовствующих переселились из Турции и Польши, став в XIX веке важным элементом антиправославных, антирусских выступлений.

Антиправославная направленность жидовствующих (субботников) проявлялась в их открытой враждебности к России, русской церкви и православной монархии. Будучи чаще всего русскими по национальности, эти сектанты полностью утратили самобытные черты русского человека. Субботниками иудаизм достигал того, к чему всегда стремился, — полного искоренения православия и национальности. В постановлении православного миссионерского съезда 1897 года говорилось: «Жидовствующие считают себя не подданными Русского Царя, а пленниками России и ежедневно молятся о скорейшем избавлении их от русского ига и водворении в земле обетованной... Жидовствующие коренным образом отторглись от своих православных собратий, совершенно утрачивая исконные черты русской народности и самобытности, перевоспитываясь до полного сходства с евреями, от которых они усвоили не только внешние формы жизни, но и внутренние вредные в общественном отношении качества семитической расы» [25, с. 97].

Секта проводила свои встречи в глубокой тайне, стараясь во избежание преследований, держатся, как можно более замкнуто, не порывать открыто с православием и не вести пропаганды, которая обратила бы на них внимание власти. На официальных допросах сектанты убежденно доказывали, что «их вера ведется издревле» и что родоначальниками ее был Схария и его последователи.

География распространения жидовствующих, кроме западнорусских губерний, охватывала несколько центральных — Воронежскую, Орловскую, Саратовскую и Тульскую. В Центральной России, судя по географии ереси, она развивалась в тех местах, где чаще всего появлялись еврейские купцы.

Жидовствующие полностью отрицали православные догматы и праздники, считали Новый Завет ниже Ветхого Завета.

Суть их еретического учения была такова:

- - ожидать мессию не как Бога, но как великого пророка;
- - ожидание мессии имеет чувственный характер;
- - мессия, когда придет, уничтожит врагов Израиля (т.е. и русских, православных людей);

- - в пророчестве: «Се дева во чреве зачнет» — под именем девы разумеют вообще Израиль: «Слыша дщи Сиона»;
 - - вера в существование десяти колен за Евфратом, с которыми соединятся субботники при кончине мира;
 - - ожидание совершенного чувственного покоя по истечении седьмой тысячи лет от сотворения мира;
 - - Иисус Христос — простой человек, но умный;
 - - учение Апостолов не одинаково с Учением Иисуса Христа, а ниже Его.
- Обрядово-ритуальная сторона ереси жидовствующих сводилась к следующему:

- - признавали субботу, вследствие чего получили от православных имя субботников;
- - праздновали дни ветхозаветных Пророков;
- - совершали обрезание, как иудеи Обрезание детей мужского пола совершалось в 8-й день после рождении. Взрослые, переходя в секту жидовствующих из православия, обрезались, а также меняли свои имена на еврейские. Совершал обрезание, по-видимому, один определенный сектант. Так, в село Гвозда Павловского уезда приезжал для совершения обрезания из села Озерки Бобровского уезда крестьянин Ефим Бочаренков, слывущий за раввина и исполняющий все обряды иудейской религии;
- - праздновали пасху по еврейскому календарю. Так, в 1875 году жидовствующие праздновали пасху 8 апреля вместе с евреями, тогда как у православных это был вторник Страстной недели. Перед этим праздником жидовствующие целую неделю постились, вкушая только опресноки;
- - не потребляли в пищу свиного мяса и сала и не держали у себя свиней.

По субботам, в пасху и другие праздничные дни жидовствующие совершали моления. Православные праздники они демонстративно не признавали.

Секта жидовствующих действовала в глубокой тайне. Однако в начале царствования Александра I она как бы вышла из подполья и стала вести активную пропаганду своей ереси. Такая открытая активность еретиков была связана с разгулом масонства в этот период, когда поощрялись все антиправославные движения.

В 1814 году преосвященный Досифей, бывший епископ Орловский, донес Святейшему Синоду, что «жительствовавшие в городе Ельце два брата, купцы Борис и Иван Яковлевы с семействами своими да зять их Иосиф Иванов, отступивши от христианской веры, исповедуют иудейскую: обрезаются, субботствуют, гнушаясь всеми Христианскими Таинствами и обрядами и хулят Святые иконы. В такое отступление от веры вовлекли они и живущего у них в работниках крестьянина Ивана Жигулина, который также, удалясь от христианского закона, принял обрезание». Преосвященный, сообщил о том орловскому гражданскому губернатору для изыскания при депутате с духовной стороны и поступления с виновными по законам. По важности этого случая Святейший Синод предоставил бывшему тогда синодальному обер-прокурору

отнестись к управляющему министерством полиции для принятия надлежащих мер к пресечению пагубного сего заблуждения.

О секте жидовствующих в Тульской губернии преосвященный Авраам, бывший епископ Тульский, в 1819 году доносил Святейшему Синоду, что «в Каширской округе, в пяти селениях, открылись, держащиеся жидовства разных помещиков, крестьяне и каширские купцы Михайлов и Краснов с их семействами — всего около 150 человек. Из произведенного по этому предмету Тульской консисторией при депутате с светской стороны следствия открылось: содержание веры их состоит в том, что они ожидают единого спасения в Моисеевом законе, не ходят в православную церковь, не изображают на себе крестного знамения, не принимают церковных таинств и Пасху совершают по еврейскому закону 15 марта; что веру сию содержат они по объявлению старших в семействах их издревле, но до 1811 года скрывали себя во избежание нареkania от христиан, а с того года явно себя открыли в сем исповедании своем и что единственный путеводитель и наставник их есть села Люблина крестьянин Иван Оскин, а по нем сельца Верхнего Режкина крестьянин Николай Демидов и купец Краснов, из коих Оскин восхитил должность иудейского раввина, погребает тела умерших даже неизвестной смертью на заведенном им самовольно кладбище, совершает браки и отправляет другие обряды, а в отсутствие его занимаются сим дети его».

В Саратовской губернии жидовствующие скрывались под обликом *молокан*. Из донесения в Святейший Синод Пензенского епископа следовало, что «живущие в Балашевском уезде, в селе Инясеве, молокане исполняют в субботные дни, по обычаю евреев, мнимое богослужение с бесчинным криком поющих, и как строение, в коем бывают их сборища, состоит от алтаря тамошней церкви в 39 сажнях, то сим криком своим они мешают церковному богослужению и расстраивают предстоящих» [26].

Секта жидовствующих была связана с иудейскими общинами и синагогами, от которых ее руководители получали книги и наставления в иудейской вере и календаре, обучались технике обрезания.

Развитие секты жидовствующих, несмотря на ее малочисленность, представляло угрозу духовной жизни русского народа. Борьбе с ней при Александре I препятствовали масоны, захватившие тогда многие посты в государственном управлении в центре и на местах. Однако, по мере того как Александр I постепенно освобождался от своего масонского окружения, а в 1822 году запретил все тайные общества, секта жидовствующих свертывает свою активность и вновь уходит в подполье.

Вопрос о ереси жидовствующих рассматривался на заседаниях Комитета Министров Российской империи, а затем обсуждался в Святейшем Синоде, который 29 июля 1825 года издал особый Указ — «О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников».

Текст этого Указа заслуживает особого внимания:

«Святейший Правительствующий Синод слушали: во-первых, два предложения Синодального г. Обер-Прокурора. Первое с приложениями следующего содержания. По соображению мер, изложенных в определении

Святейшего Синода от 4 августа 1819 г. против секты иудействующих, возникшей в Воронежской губернии, бывший Министр Духовных Дел и Народного Просвещения присовокупил к некоторым из оных свои мнения, препроводил составленную о всем том полную записку для дальнейшего движения к г. управляющему Министерством Внутренних Дел, который, собрав по сему же предмету дополнительные из бумаг Министерства Внутренних Дел сведения, вошел о том с представлением в Комитет Гг. Министров. Ныне, по воследовании разрешения Комитета и Высочайшего Его Императорского Величества соизволения о вышеописанных мерах, г. Управляющий Министерством Внутренних Дел препроводил к нему, г. Обер-Прокурору, список с Высочайше подтвержденного положения об оных, для зависящих со стороны Святейшего Синода распоряжений. Из сих предложений, в списке с положения Комитета Гг. Министров значится, что по случаю внесенных от Министерства Внутренних Дел разных представлений в Комитет Гг. Министров о размножающейся в разных губерниях секте иудействующих под именем субботников Комитет рассуждал, что, встречая неоднократно по делам примеры подобного отклонения от веры Христианской в закон еврейский и находя, что столь явное отступление от закона отечественного не должно быть вовсе терпимо Правительством, обязанным охранять господствующую веру и соблюдать членов ее от обольщений, пагубных как для них самих, так и для общества, считается необходимым постановить преграду злу сему и принять против оного надежные меры; и вследствие того журнал 6 апреля 1820 года положил представить Его Императорскому Величеству, не благоугодно ли будет по возможности сего предмета поручить кому-либо в особенности заняться оным, с тем чтобы по соображении настоящих обстоятельств с государственными постановлениями изысканы были средства и составлены правила к отвращению и искоренению зла сего. Государь Император, утвердив положение Комитета, Высочайше соизволил повелеть, чтобы относительно сего вредного раскола и средств, кои употреблены быть могут к преграждению дальнейшего распространения оного, собраны были нужные сведения и представлены на Высочайшее усмотрение. Между тем по вступившим от субботников Воронежской губернии жалобам на притеснения местных начальств Его Императорское Величество Высочайше повелеть изволил г. Министру Духовных Дел и Народного Просвещения произвести надлежащие с духовной стороны по сему предмету исследования. По надлежащем соображении всех до сего обстоятельства относящихся справок и наставлений с заключениями, сообщенными князем Голицыным, и предложениями духовного начальства.

Граф Кочубей 23 февраля 1823 года представил в Комитет Министров подробную записку с изъяснением следующего мнения относительно к обязанности гражданского начальства:

1) Предписать губернским начальствам безо всякого участия духовной власти и в виде обыкновенного полицейского распоряжения взять в тех селениях, где секта сия находится, начальников оной и их помощников и отослать немедленно для определения в военную службу годных к оной, а неспособных к военной

службе – на поселение в Сибирь. Таким же образом поступать впоследствии с теми, которые окажутся начальниками и распространителями секты.

2) Начальствам сибирских губерний предписать, чтобы люди сии размещены были в отдаленные места и сколь можно отдельно, и чтоб земская полиция строгое имела наблюдение, дабы они никого не вовлекали в свое заблуждение.

3) За обращенных таким образом в военную службу или на поселение крестьян, помещикам принадлежащих, выдавать помещикам рекрутские квитанции.

4) Если бы при отправлении людей сих на поселение в сибирские губернии жены и дети их не пожелали следовать с ними, то к тому их не принуждать и оставлять их на прежнем жительстве.

5) Меры, в первом пункте изъясненной, не распространять на субботников Кавказской губернии, в Александровском уезде находящихся, понеже существование их распоряжениями самого Правительства некоторым образом утверждено; но вся строгость правил сих приложится к ним: а) если откроется покушение к вовлечению других в заблуждение сей секты и б) если будут изъясняемы наружные оказательства секты или соблазна, от нее происходящего. В сих случаях поступать с начальниками субботников, в Александровском уезде живущих, на точном основании вышеприведенных правил.

б) Начальниками секты почитать тех, кто совершает какие-либо обряды, или занимает первое место в богослужении, или дает наставление в правилах иудейских.

7) Из уездов, в коих находится секта субботников или иудейская, и соседственных им уездов, выслать всех евреев без исключения, где бы они ни находились, и впредь ни под каким предлогом пребывания там им не дозволять. С являющимися же, вопреки запрещению сему, поступать как с беспаспортными, подвергая лиц, кои дадут им пристанище, взысканиям, по параграфам 35 и 39 Положения 1804 года определенным.

8) Постановить в обязанность местных начальств затруднять, сколько возможно, сообщение правоверных с иудействующими и для того не выдавать паспортов никому из принадлежащих к секте сей для отлучки в другие места.

9) Запретить всякое наружное оказательство секты иудейской и всякое действие, явным соблазнам повод дать могущее, возложя строгое за сим наблюдение на ведомство гражданское, без участия духовной власти.

10) Под наружным оказательством секты разумеются: собрания из разных домов в один для молитвы, обрезание, венчание, погребение и прочие обряды, не имеющие сходства с христианскими; под соблазнами разумеются: всякое действие при христианине, противное его вере, и в особенности хула и насмешки над правилами Церкви и над теми, кто следует оным.

11) Постановить непременно правилом, чтобы отступники сии не были избираемы ни к каким общественным должностям на основании утвержденных о раскольниках правил.

12) Поставить в обязанность губернским начальствам иметь верные сведения о числе иудейскому заблуждению предавшихся крестьян, о прибыли их или об

уменьшении числа оных посредством возвращения к Православной Церкви; но сведения сии собирать со всею возможною скромностью и без явных распоряжений, дабы не дать повода к каким-либо неудобствам, как-то: или оглашению большого числа сих русских евреев, доселе, вероятно, скрывающихся, или распространения толку, как сие уже случилось при розысканиях о числе раскольников.

13) Как ничто не может иметь большого влияния над простым народом, как презрение или посмеяние над заблуждениями, в кои совращать его ищут, и что именно средство сие употребляют как раскольники разных сект, так и субботники в отношении православной веры, то в сношениях местных начальств именовать субботников жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жида, ибо настоящее их наименование субботников, или придерживающихся Моисееву закону, не дает народу точного о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в жидовство» [27, с. 37].

Полвека после этого Указа о секте жидовствующих почти ничего не было слышно. Однако во время либеральных реформ Александра II жидовствующие снова выходят из подполья. Происходит это опять в Воронежской губернии. Очевидцы рассказывают, что жидовствующие нанимают иудейских наставников (меламедов) для обучения еврейскому языку по Библии. Православный исследователь, встречавшийся с этими еретиками, рассказывал: «Само название секты в устах последователей ее показывает, что она имеет, в сущности, жидовский характер. Сектаторы (сектанты) называют себя последователями Моисеева закона или библейского Моисеева исповедания, а веру свою — жидовскою, чаще же всего — Моисеевою. Такое название они дают себе потому, что «держатся закона лучезарного пророка Божия — Моисея». Поэтому они отвергают все новозаветное учение, именно: отвергают Божество Иисуса Христа, Его Пречистую Матерь и всех Святых угодников Нового Завета; не почитают святых икон, которые они по отречению от Православия выносили из своих домов и пораздавали соседям; не носят на шее и крестов и вообще не знаменуют себя крестным знамением. «Лучше мы согласимся отрубить себе руки, — говорят они, — нежели осеним себя крестным знамением». В праздники, установленные Православною Церковью, работают; не соблюдают постов Православной Церкви, даже преимущественно в это время и как бы с предумышленным намерением употребляют мясную пищу, довольствуясь в другое время сухоядением» [27, с. 48]

Таким образом, жидовствующие конца XIX века ничем не отличались от жидовствующих его начала. Распространение иудействующих еретиков в Центральной России осуществлялось пропорционально наплыву туда евреев, усилившихся с 70-х годов.

В царствование Екатерины II — благоприятное для распространения сектантства — замечается особенное развитие секты жидовствующих. Последняя успела пустить такие глубокие корни в крестьянском населении, что в течение последующих десятилетий стали открываться новые центры секты в губерниях, в

которых евреев было очень мало: Московской, Тульской, Орловской, Рязанской, Екатеринославской, Тамбовской, Воронежской, Архангельской, Пензенской, Саратовской, Ставропольской и Астраханской, а также в Области Войска Донского. К этому времени относится основание секты **молокан-субботников**. Один из главарей духоборов, Семен Матвеев Уклеин, прославившийся как знаток Священного Писания и как красноречивый проповедник, познакомившись с учением жидовствующих через некоего Далматова, открыто выступил против своего тестя Иллариона Побирохина, главы **духоборов**, и основал свое собственное учение со значительной примесью иудейства. Ввиду трудности исполнения иудейских законов он не решился навязать эти правила всем вообще своим последователям, но более близкие ему стали строго соблюдать их. Его преемник Сундуков выступил на почве сближения с иудейством более решительно, что и вызвало раскол среди молокан. Одна часть осталась верна прежнему молоканскому уставу, а другая часть приняла устав Сундукова и называется «молоканами-субботниками». Первые официальные данные о жидовствующих относятся к концу XVIII в. Донской казак Косяков, находясь на службе, принял в 1797 году еврейскую веру от тамошнего учителя Филиппа Донского, а по возвращению на Дон начал пропагандировать это вероучение. Позднее он совместно со своим братом обратились к наказному атаману войска Донского с ходатайством о дозволении им свободно исповедовать свою веру. Результат их ходатайства неизвестен, но сохранились сведения, что многие жители города Александрова, из купечества и мещанства, по субботам уклоняются от исполнения общественных повинностей. Составляя большинство населения, они были правительством освобождены от всяких работ по субботним дням [27, с.87]. Но не везде администрация относилась так снисходительно к ним. В Воронежской губернии (Бобровский и Павловский уезды) секта была открыта в 1806 г., и благодаря принятым мерам большинство обратилось в православие, остальные же сданы в военную службу. Тем не менее, секта продолжала развиваться вследствие того, что один из их учителей, Рогов, был оставлен в тамошнем батальоне внутренней стражи [28].

В 1818 г. жидовствующих насчитывалось 503 человек, а пять лет спустя число их достигает по официальным данным — 3771 человек. Местные власти всячески притесняли их, пока, наконец, они не обратились через графа Аракчеева в 1818 г. к императору Александру I с жалобой. В Московской губернии секта появилась около 1805 г. в Бронницком уезде. В 1811 г. в Кашире Тульской губернии открылась секта жидовствующих в 150 человек, которые заявили, что веру свою они «содержат издревле», но скрывали себя до этого времени во избежание недоразумений с христианами. В 1814 г. возникло дело о жидовствующих в Орловской губернии, где они появились около 1801 года в Ельце. Мещанин Михайлов и зятья его, купцы Яковлевы, вели пропаганду учения жидовствующих среди саратовских, мелитопольских и кавказских молокан, с которыми имели деятельные торговые сношения. Особенное распространение секта получила в Саратовской губернии, преимущественно в Балашевском уезде. Деятельным пропагандистом был однодворец села Свинухи Балашевского уезда Милюхин,

обративший в жидовство целые селения. Сначала они проповедовали свою веру тайно; но в 1812 году открыто заявили о своей принадлежности к жидовствующим, и с того времени, на основании высочайшего повеления 16 мая 1803 г., им были отведены особые кладбища. В 1817 г. 300 жидовствующих во главе с Милюхиным жаловались министру внутренних дел, что начальство и христиане причиняют им обиды, причем Милюхин отметил, что «люди одинакового со мною исповедания не все однообразно отправляют богомоления и обряды по принятому ими закону израильскому, так как, не имея сведущих в этом деле наставников, они не знают основательно и правил этого закона». В заключение Милюхин указал на необходимость заимствовать наставления от ученых евреев. В 1818 г. в городе Бендерах Бессарабской губернии была открыта секта из 37 душ, пришедших туда из великороссийских губерний; было решено применить к сектантам как меру наказания переселение в Кавказскую губернию, которое и прежде имело «приметное влияние на них, до того, что назначаемые к переселению весьма неохотно соглашались на него и некоторые из них при понуждении к тому обращались к православию» [27, с. 98 – 99].

Комитет министров отнесся мягче к сектантам ввиду отзыва полиции, что они никогда не были замечены в поступках, противных общему порядку, тишине и спокойствию, и (6 апр. 1820 г.) положил выдворить пропагандистов в Кавказской губернии; тех же, которые ведут себя скромно и тихо и заблуждений не распространяют, оставить на месте; но император Александр I приказал, чтобы для преграждения дальнейшего распространения раскола были собраны нужные сведения и представлены ему. Одновременно с ходатайством саратовских жидовствующих поступила жалоба субботников Воронежской губернии, Павловского уезда, в которой они жаловались на притеснения за «исповедание Моисеева закона» от начальств, как духовного, так и гражданского; государь повелел князю Голицыну представить заключение относительно самой секты иудействующих. Обе резолюции императора показали всю неосновательность надежд жидовствующих на применении к ним той терпимости, которую оказывали христианским сектантам в царствование Александра I, особенно в эпоху управления министерства духовных дел и народного просвещения князем Голицыным. Центральная власть, напротив, была тогда скорее озабочена привлечением евреев в христианство, чем возможностью перехода христиан в иудейство. Указом 23 июня 1820 года субботников Екатеринослава выслали с семействами. В том же году по представлению Голицына о том, что евреи распространили свое учение в Воронежской губернии, последовало высочайшее утвержденное положение Комитета министров о недержании евреями в домашнем услужении христиан. В 1823 г. гражданин Кочубей представил в комитет министров подробную записку о жидовствующих и о мерах борьбы с этой сектой. По его сведениям, секта охватила почти всю Россию, и по официальным данным их насчитывалось около 20.000 душ. Предложенные им репрессивные меры сводились к следующему:

1) начальников и распространителей сект или совершающих обряды немедленно определить в военную службу, а негодных к оной — сослать в Сибирь на поселение в отдаленные места и размещать их сколь можно отдельно;

2) из уездов, в коих находится секта, и соседственных уездов выслать всех евреев без исключения и впредь ни под каким предлогом пребывание их там не дозволяется;

3) не выдавать паспортов для отлучки сектантам, чтобы этим затруднить сообщение их с евреями;

4) чтобы побудить простой народ относиться с презрением к ним, именовать их в сношениях местных начальств «жидовскою» сектой и оглашать, что они подлинно суть жида;

5) запретить им молитвенные собрания и исполнение обрядов обрезания, венчания, погребения и прочих, не имеющих сходства с православными.

Применение этого закона началось тотчас же. Масса сектантов решила исповедовать свою веру тайно, и многие внешне приняли православную веру. После смерти императора Александра I они снова стали собираться на молитвы, но к ним начали применять закон о *духоборцах*, то есть всех тех, кто после присоединения к православию снова предался ереси, отдавали в солдаты, а негодных ссылали в Сибирь (указ 18 дек. 1826 г.). Целые селения были опустошены и разорены. С целью заселить Грузию их стали отправлять туда, а позже разрешили передвижение и торговлю по всему Закавказью. Предприимчивость и трудолюбие сектантов сделали их двигателями торговой жизни Закавказья; вместе с тем это усилило их пропаганду. Около города Александровска на Кавказской линии почти все население поступило в число жидовствующих, почему город и все жидовствующие были зачислены в Хоперский казачий полк. В 1842 г. были выработаны правила о переселении жидовствующих на Кавказ, где им отводились земли. В 1850 г. жидовствующие появляются в большом числе в Кубанской области. И после переселения жидовствующих в Закавказье на прежних местах осталось, однако, немало тайных жидовствующих. Со вступлением на престол императора Александра II положение сектантов изменяется к лучшему, законы о них остаются, правда, в прежней силе, однако применяются слабо. Во многих местах сектанты перестали скрывать свою веру. Больше всего их оказалось в Центральной России: в Воронежской и Саратовской губернии. В Ставропольской губернии, появившиеся здесь в 50-х годах жидовствующие, открыто объявили о себе в 1866 г., сославшись на манифест по случаю коронации. В Воронежской губернии жидовствующие существовали тайно до 1873 г., после чего они открылись. В 70-х гг. острогожский суд приговорил 90 субботников Павловского уезда к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Закавказье. Но ревизующий сенатор Мордвинов дал благоприятный отзыв о них: «Они живут замкнуто в домашнем быту и в отношениях своих к властям безупречны, усердно трудятся и исправно платят подати», ввиду чего был возбужден вопрос об отмене преследований. В 1887 г. последовал закон о признании наиболее важных актов в личной жизни сектантов законными с гражданской точки зрения. Хотя манифест 17 апреля 1905

г. о свободе совести положил конец суровым законам против жидовствующих, но администрация часто смешивала их с евреями; посему министерство внутренних дел в 1908 и 1909 гг. циркулярно разъяснило, что жидовствующие имеют одинаковые права с коренным населением. Жидовствующие имеются также в Венгрии (с 70-х гг.), в Палестине и Америке. Все источники, как частные, так и официальные, рисуют их внутренний быт с лучшей стороны. Жидовствующие – трудолюбивы, занимаются преимущественно земледелием; дома у них чистые; пьянства и разврата они не знают; все они грамотны и любознательны, гостеприимны, охотно оказывают помощь не только своим единоверцам, но и православным; от участия в мирских повинностях не уклоняются; с другими сектантами они очень дружны, особенно с молоканами, которые часто примыкают к их учению.

Происхождение секты жидовствующих и сущность учения их имеют мировоззренческие и исторические корни. Проблески религиозной мысли и рационализма в XVI веке у русского народа, выразившиеся в ереси жидовствующих, были лишь временно остановлены жестокими гонениями против них. Как естественное следствие борьбы с ересью жидовствующих является необыкновенное развитие обрядового благочестия, в свою очередь приведшего к расколу.

Глава 2

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕЛИГИОЗНЫХ ЕРЕСЕЙ

В середине XVI века новое мощное движение потрясает Россию. Оно связано с именами *Федора Курицына, Феодосия Косого и Матвея Башкина*. Матвей Башкин был сыном небогатого боярина. Усомнившись в правильности существующих порядков, он стал изучать Библию самостоятельно и к своей большой радости убедился в том, что подлинно евангельское учение почти ничего не имеет с официальным проявлением мертвой религии, которую он вокруг наблюдал. Проникнутый учением Иисуса Христа о любви ко всем человекам, о равенстве всех людей, этот дворянин освободил своих крепостных крестьян, а грамоты на них публично изорвал. Пройдут еще века российской и американской истории, прежде чем русские и американские господа и дворяне, лучшие из них, единицы, осознавши безнравственность крепостного, рабского владения людьми, отпустят своих крепостных и рабов на волю. Матвей Башкин сделал это в середине XVI века.

2.1. КУРИЦЫН ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Курицын Федор Васильевич (умер около 1500 г.) – посольский дьяк Ивана III, писатель. В 1482 – 1484 гг. был послан в Молдавию и Венгрию для проведения переговоров со Стефаном Великим о союзе против Польско-Литовского государства. На обратном пути был задержан турками, но осенью 1485 г., благодаря посредничеству крымского хана, освобожден и вернулся в Москву.

Скрепил грамоту Ивана III и его внука – Дмитрия Ивановича, на которой впервые появился новый герб Русского государства – двуглавый орел. В 80 – 90 годы играл видную роль в политике Ивана III. В 1502 г. Дмитрий Иванович и его мать Елена Стефановна подверглись опале, а с ними был близок Ф. Курицын. Еретики, к которым причислены Курицын и его брат – Иван-Волк, были казнены, судьба самого Федора Курицына остается неизвестной.

Из дошедших до нас произведений Курицына можно отметить «Лаодикийское послание», состоящего из философского введения в стихотворной форме, таблицы, с зашифрованной подписью, где он рекомендует себя как переводчика «Лаодикийского послания», которое содержит средневековые каббалистические учения: «Душа самовластна. Ограда ее – вера. Вера – наставление, устанавливается пророком. Пророк – старейшина, направляется чудотворением. Чудотворение – дар, поддерживается мудростью. Мудрость – сила. Фарисейство – образ жизни. Пророк – ему наука, наука преблагенная, ею приходим к страху Божьему. Страх Божий – начало добродетели. Им вооружается душа».

Политические события польско-литовских отношений не украсили церковную жизнь. В первой половине 1503 года, в конце марта, Иван III дает разрешение на созыв Собора 1503 года. На нем представляет новый митрополит московский – Симеон – вполне достойный человек (предшественника митрополита Зосиму свели с кафедры «за нерадение о Церкви»). Собором было принято следующее постановление: объявлена главная цель Собора – не розыск еретиков, не обличение ересей, а упорядочение церковных дел Московского царства. Именно на это была направлена главная деятельность Собора. На Соборе присутствовали Геннадий Новгородцев, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Паисий игумен Троицкий. Главное дело Собора, единственно верное в подобных случаях, – вынуть идеологическую почву из-под справедливых обвинений еретиков:

1. прекратить мздоимство, включая подарки, при поставлении священнослужителей всех степеней. Если это обнаружится, то низвергается из сана и поставляемый, и поставивший;
2. собор подтвердил запрет на смешанные монастыри мужские и женские в одних стенах, во избежание соблазна;
3. собор поставил вдовых священников, всех без исключения, отправлять на покой, потому что очень часто были случаи держания наложниц под видом домоправительниц, горничных, нянек и так далее. Только хорошо держащие себя, при засвидетельствованном целомудрии, причащаются Святых Тайн Христовых в алтаре, в наручах и епитрахили. Тот, кто замечен в нарушении, то есть держит сожительницу, низводится в статус мирянина и причащается с ложечки, как мирянин. Но незаконных жен велено от себя отпустить, в противном случае человек подвергается уже гражданскому суду.

«Повесть о Дракуле», первый памятник русской беллетристики, переведенный Ф. Курицыном, в которой Дракула воспринимался как персонаж анекдотов. Герой «Повести о Дракуле» – лицо сложное и противоречивое, смысл повествования воспринимается разными исследователями по-разному. В нем видели и «модель царского поведения» и абсолютно отрицательную фигуру злодея. Дракула

подвергает свои жертвы испытанию, задавая им загадки, и карает тех, кто не может их отгадать. Этим он походит на княгиню Ольгу, каравшую таким образом древлян, или на мудрого зверя Китовраса, из переводной повести о Соломоне и Китоврасе. Жестокость Дракулы носит изощренный характер, он любит пировать возле кольев, на которых посаженные им люди, не только преступники, но и неудачники, страдают в смертных муках.

Но вместе с тем, Дракула, по представлению автора русской повести, был не только изощренно жесток. Если авторы немецких брошюр видели в Дракуле только изверга, то русский автор, как и Бонфини, отмечал борьбу валашского князя со злом. Он «ненавидел зло в своей земле» и если кто «совершит какое-либо преступление, украдет или ограбит, или обманет, или обидит», то не избегнет смерти, «будь он знатным вельможей, или священником, или монахом, или простым человеком». Страх смерти перед суровым наказанием был столь велик, что в государстве Дракулы у колодца, находящегося в безлюдном месте, могла оставаться без присмотра золотая чаша дивной красоты – никто не посмел бы ее похитить.

2.2. ФЕОДОСИЙ КОСОЙ.

Совсем другое происхождение имел Феодосий Косой. Крепостной крестьянин, холоп, он в 1551г. бежал от своих хозяев, «честных слуг царевых», в пределы Белоозера, где и принял монашеский постриг в Кирилло-Белозерском монастыре на севере России. Стал монахом только потому, что очень любил «научение книжное», хотел приобрести духовное образование, знание Священных Писаний. Феодосий Косой стал последователем Матвея Башкина, и был одним из видных представителей русского протестантского движения XVI века. Снискал он уважение современников, был знаком с Артемием, учеником Нила Сорского. Со временем, под влиянием заволжских старцев и лютеранского учения, стал организатором кружка монахов, отрицательно относившихся ко многим сторонам тогдашней религиозно-общественной жизни православия.

Деятельность Косого скоро обратила на себя внимание властей, и его с единомышленниками взяли в Москву на суд. Во время следствия Косой бежал в Литву, где нашел благоприятные условия для пропаганды своего учения. О его учении можно судить главным образом по трудам Зиновия Оттенского. Критика Косого была направлена, прежде всего, против внешней обрядовой стороны религии, считая, что это особая форма идолопоклонства. Поклонение иконам и святому кресту он называл идолопоклонством, почитание святых мощей он отрицал, отрицательно относился и к таинствам. Он учил: «к попам не приходите, и молебнов не творите, и не кайтесь, и не причащайтесь, и темияном не кадитися, и на погребении от епископов и от попов не поминатися... Подобаает поклоняться духом Отцу, а не поклоны творите, ни на землю падати и поклонятися, ни проскуры, ни капуны, ни свечи приносить». Считая виновниками человеческого предания епископов, Косой их деятельность подверг суровой критике, называя их «идольскими жрецами, ложными учителями». Отрицательные суждения Косого

распространялись и на догматическое учение церкви: он отвергал догматы святой Троицы и искупления. Положительная сторона проповеди Косого заключалась, по-видимому, в стремлении восстановить христианство в его первобытной чистоте, вернуть его к временам апостолов.

Отрицая весь церковный строй и иерархию, Феодосий настаивал на духовном поклонении Богу, стремился восстановить христианство в его первоначальной чистоте, требовал нравственной жизни и деятельности согласно евангельским заповедям. Церковные обряды Феодосий называл «измышлением человеческим». Поклонение иконам и кресту, почитание мощей считал особой формой идолопоклонства. Деятельность Феодосия Косого скоро обратила на себя внимание властей, и его с единомышленниками потащили в Москву на суд. Однако во время следствия ему удалось бежать в Литву. Собор 1553 года рассматривал вопрос о «злой ереси» Матвея Башкина и Феодосия Косого. Матвей по приговору церковников был приговорен к пожизненному заточению и брошен в Волоколамский монастырь, где следы его скоро затерялись. Есть основание предполагать, что спустя несколько лет Матвея сожгли. Был схвачен также Феодосий Косой и еще один видный деятель этого движения игумен Троице-Сергиева монастыря – Артемий. Многочисленные аресты были произведены по всей России. Арестованных свозили в Москву и там чинили над ним суд и расправу. Зарождающаяся Реформация была задушена. Использование в русских служебных книгах текстов, чуждых православной традиции, вызывало у людей сомнения в правильности их исповедания христианской веры.

Первым внешним проявлением ереси жидовствующих уже в 1470-х гг. стали иконоборческие демонстрации. Еретики, ссылаясь на Пятикнижие Моисеево, стали призывать к уничтожению икон. «Они, — писал Иосиф Волоцкий, — запрещали поклоняться Божественным иконам и Честному Кресту, бросали иконы в нечистые места, некоторые иконы они кусали зубами, как бешеные псы, некоторые разбивали».

Несмотря на неприличный, скандальный характер, который приобретала ересь жидовствующих, ее влияние усиливалось. Примерно в 1480 г. еретики проникают и в Москву. Здесь они расширяют свою организацию за счет видных государственных деятелей из окружения самого царя Ивана III. Кроме священников главных соборов Кремля, еретики привлекли к себе многих бояр, руководителя русской внешней политики дьяка Федора Курицына и даже ближайшее окружение наследника русского престола. Участие в тайной организации значительного числа государственных людей во многом объяснялось хорошим отношением к жидовину Схарию самого Ивана III, вплоть до 1500 г. приглашавшего этого иудея к себе на службу.

Деятельность секты была разоблачена в 1487 архиепископом Геннадием, сообщившим о ней царю и митрополиту Геронтию. По указанию царя несколько еретиков, названных Геннадием, были арестованы и подвергнуты «градской казни» (наказание кнутом на торгу) за надругательство над иконами.

Высокопоставленные покровители жидовствующих не допустили осуждения ереси как таковой. На Соборе 1488 г. были объявлены только незначительные

преступники, а сама секта и ее руководители названы не были. В 1490 г. главой Русской Церкви стал митрополит Зосима, втайне поддерживавший ересь жидовствующих, которого Иосиф Волоцкий назвал «вторым Иудой». Тем не менее, в этом же году, несмотря на противодействие митрополита Зосимы, Собор Русской Церкви уже публично осудил еретиков, назвав в своем приговоре дела их «жидовскими», а их самих «сущими прелестниками и отступниками веры христовой».

Против жидовствующих встали все русские люди. Православная Церковь в лице ее лучших представителей — Иосифа Волоцкого, Нила Сорского, архиепископа Геннадия Новгородского — дала еретикам достойный отпор.

Прежде всего, были просмотрены церковные книги и из них изъято все чуждое русской православной традиции, ликвидированы иудейские синагогальные тексты, все сомнительные места, которыми еретики прельщали православных священников. По инициативе архиепископа Геннадия была полностью переведена Библия. Этот перевод окончательно обезоруживал еретиков, которым в своих аргументах против христианства оставалось прибегать только к открытому обману.

Преступления «жидовствующих» против христианства были раскрыты в сочинении Иосифа Волоцкого «Просветитель». Большую роль в борьбе против еретиков сыграл составленный Нилом Сорским сборник житий, куда он включил, в частности, жития Феодора Студита и Иоанна Дамаскина, осуждавших иконоборчество.

Пользуясь поддержкой высокопоставленных покровителей, жидовствующие добились назначения на должность архимандрита Юрьева монастыря еретика Кассиана. Владыка Геннадий, несмотря на все старания (Юрьев монастырь входил в его епархию), не смог изгнать нечестивца. Более того, жидовствующие путем интриг и клеветы сумели устранить в 1503 г. с Новгородской кафедры самого владыку Геннадия.

После Собора 1490 г., осудившего ересь жидовствующих, борьба с ними продолжалась еще почти 15 лет. Только в 1504 г. царь Иван III принял решение созвать новый Собор. На нем еретики еще раз подверглись решительному осуждению, а их руководители после суда были казнены.

Одни ученые рассматривают Косого как представителя самобытных взглядов, другие много значения придают в его взглядах иностранному (лютеранскому) влиянию. И те, и другие ставят учение Косого в связь с ересью Башкина и деятельностью заволжских старцев. Ересь Косого, возникшая на почве критицизма, была резким и уродливым выражением того обличительного направления, которое характеризует всю деятельность Максима Грека и которое, сосредоточившись в заволжских пустынях, наиболее рельефно и резко было заявлено В. Патрикеевым и игуменом Артемием. В Литве учение Косого получило теоретическое обоснование под воздействием протестантизма и антитринитарных идей.

2. 3. ЮРИЙ КРИЖАНИЧ

В то время, когда киевские монахи приносили с собой в Москву свою исключительно церковную ученость, с узкими схоластическими взглядами и отживавшими свое время предрассудками, в области умственного труда в России появился человек со светлой головой, превосходящий современников широтой взглядов, основательностью образования и многосторонними сведениями. Это был Юрий Крижанич (1617 – 1683). Родом он был хорват, происходил из старинной, но обедневшей фамилии, родился в 1617 году от Гаспара Крижанича, небогатого землевладельца. В шестнадцать лет Юрий Крижанич лишился отца и стал готовить себя к духовному званию. Сначала он учился у себя на родине, в Загребе, потом в Венской духовной семинарии, затем переехал в Болонию, где занимался еще и юридическими науками. Владея в совершенстве, помимо своего родного языка, немецким, латинским и итальянским, он в 1640 году поселился в Риме и вступил в греческий коллегиум Св. Анастасия, специально учрежденный папами для распространения унии между последователями греческой веры. В это время Крижанич был посвящен в сан Загребского каноника. Он изучал тогда греческий язык, приобретал знания византийской литературы и сделался большим поклонником унии. Его целью жизни становится сбор всех важнейших сочинений, так называемых схизматиков, то есть тех, кто писал против папизма. Плодом этого становятся несколько сочинений на латинском языке, в особенности «Всеобщая библиотека схизматиков». Это привело его к знакомству с русским языком, так как он хотел освоить сочинения, написанные по-русски против унии. Оставивши коллегиум, Юрий Крижанич проживал в Риме до 1656 года, состоя членом иллирского общества Святого Иеронима. В этот период времени он, однако, не оставался постоянно в Риме, но ездил по всей Европе, был в Константинополе, где еще ближе познакомился с греческой письменностью. Пребывание его в Константинополе оставило в нем самое враждебное чувство к тогдашним грекам, в особенности за их невежество, высокомерие и лживость.

Во всех своих научных трудах Крижанич постоянно оставался славянином, горячо любил свой народ и самым вопросом об унии, занимавшим его специально, интересовался главным образом по отношению к своему отечеству. Изучая долгое время историю церкви и много думая о ней, он пришел ко взглядам, которые по своей высоте расходились с узким воззрением, как сторонников римской пропаганды, так и с их противниками. Его любовь к славянству не могла примириться с тем печальным положением славянского народа, которое он занимал в истории европейской образованности. Церковные распри разделили славян; откуда бы ни приходили причины разделения церквей, они одинаково были губительны для славянства, они были ему чужды. Крижанич понял, что вековой спор между восточной и западной церковью исходит не из самой религии, а из мирских политических причин, из соперничества двух древних народов – греков и римлян за земную власть, за титулы. Римский папа хотел властвовать над церковью по преданию о Римской империи, которая уже исчезла и никогда не может быть восстановлена. Крижанич писал: «Пусть

австрийские государи называются римскими императорами, могут носить его имя, но это будет суэта и обман; того что разорено, нельзя уже поставить на ноги». С другой стороны, и греки стали против Рима за свою земную власть. И в Царьграде, новом Риме, царство их погибло. Таким образом, вопрос о разделении церковей есть исключительно вопрос греков и римлян, а к славянам он не должен относиться. Нечего им вмешиваться в чужую распрю. Пусть себе выдумывают церковное главенство и в Риме, и в Царьграде, пусть патриарх с папой спорят за первенство, – славяне не должны из-за них чинить раздора между собой и защищать привилегии, чужую верховную власть, а должны знать единое царство духовное, единую церковь, не имеющую рубежей, распространенную во всем мире.

Крижанич пришел к убеждению, что весь славянский мир должен сделаться единым обществом, единым народом. При таком взгляде он естественно сосредоточил внимание на России, как на самой обширной стране, населенной славянским племенем. Неизвестно, по какой причине Крижанич был в Вене в 1658 году. В это время туда приехал московский посланник Яков Лихарев с товарищами. Русские послы набирали иноземцев, желающих поступить на царскую службу, обещая им царское жалование, «какого у них и на уме нет». К ним в гостиницу «Золотого быка», где они остановились, явился Юрий Крижанич с предложением своей службы царю. Первое впечатление, которое на него оказали русские, было тяжелым; он сам в этом позже сознался, его возмутило неряшество и зловоние помещений русских послов. Тем не менее, однако, мысль служить всеславянскому делу преодолела в нем все, и он, человек ученый и образованный, отправился искать отечества в земле, считаемой на Западе, варварской и дикой.

Следуя из Вены в Москву, Крижанич в первых месяцах 1659 года, проезжая через Малороссию и уже приближаясь к границам Великой Руси, наткнулся на войско царское, шедшего против Выгодского. Крижанич повернул назад и пробыл в Малороссии до октября, проживая в Нежине у Василия Золотаренко, бывшего тогда нежинским полковником. Вероятно, он посещал и другие места, как можно было видеть из того, что он познакомился с тамошними учеными, наблюдая состояние страны и народа, замечал беспорядки и пороки тамошнего общества и коснулся тогдашних событий.

Наконец Крижанич прибыл в Москву, к единому славянскому государю, но не долго пришлось, однако, славянскому мужу трудиться для своей любимой идеи всеславянства. Его воззрения на единую, независимую от земных споров церковь Христову столько же были ложны с точки зрения защитников обрядного православия, как и латинствующего католичества. 20 января 1661 года Крижанича сослали в Тобольск, поскольку он выступил против раскола Русской Православной Церкви во времена никонианской реформы. В Тобольске он пишет свои основные труды: «Политика» (1663 – 1666), «О божественном провидении», «Толкование исторических пророчеств», «Грамматическое изыскание о русском языке» (попытка создания общеславянского языка), «О святом крещении», «Обличение на Соловецкую челобитную» и неоднократно посылает в Москву

предложения об улучшении внутреннего управления Россией. После смерти Алексея Михайловича переводится в Соловецкий монастырь, а затем получает разрешение на выезд из России. В 1678 г. удаляется в Литву, где вступает в доминиканский орден, принимая имя Август. Последние годы жизни постоянно перемещается по Европе; смерть настигает его в рядах армии Яна Собеского при обороне Вены от турок.

Центральной идеей историософии Крижанича стала концепция провиденциализма, согласно которой историческая миссия переходит поэтапно от одних государств к другим. В центре его внимания – восходящая «историческая звезда» России, миссия которой заключается в объединении всех славянских народов. Однако для выполнения этой миссии Россия сама должна быть реформирована через строгую централизацию власти, законодательное закрепление прав сословий и оживление экономики (Крижанич полемизирует с меркантилистами, доказывая, что источник богатства государств в производстве, а не в накоплении денег).

Крижанич открыто признавал себя принадлежащим, в одно и то же время, и римско-католической, и греческой церкви, готов был причащаться и в русском храме, но не хотел принимать вторичного крещения, а по московским понятиям того времени, всякий, принимающий православие, должен был вторично креститься. Впрочем, это был один из поводов, не давших ему поладить с Москвой. Указ о ссылке его был выдан из приказов лифлядских дел, которым тогда заведовал Нащекин. Быть может, его почему-то заподозрили в недоброжелательстве к России по поводу тогдашних шведских и польских дел. Во всяком случае, несомненно, что его удалили не за какую-нибудь вину, а по подозрению. В Тобольск он был отправлен не в качестве опального, а с тем, чтобы быть у государевых дел. Ему положили жалование в семь с полтиной рублей в месяц. Крижанич пробыл в ссылке шестнадцать лет, не теряя присутствия духа, написал свои основные научные труды. После смерти царя Алексея Михайловича, 5 марта 1676 года, Крижанич получил царское прощение, возвратился в Москву, где получил разрешение на выезд в Европу.

Философские идеи Крижанича нашли свое выражение в основном его труде – «Политика». В «Политике» осуждаются неумеренная роскошь, жесткие порядки и тирания, нещадные поборы, жадность и «людодерство», безделье и праздность. Ратуя за справедливое правление, Крижанич писал: «Честь, слава, долг и обязанность короля – сделать свой народ счастливым. Ведь не королевства для королей, а короли для королевства созданы. Где законы хорошие, там и подданные довольны, и чужеземцы хотят туда прийти. А где законы жесткие, там свои подданные жаждут перемены правления и часто изменяют, если могут, а чужеземцы боятся приходить».

Согласно Крижаничу, человеческое тело состоит из четырех «первозданных вещей»: из земли, воды, воздуха и огня. Эти четыре стихии постоянно враждуют между собой (сухое борется с мокрым, теплое с холодным и т.д.), что ведет к разным «несогласиям». Человек отличается от животных разумом (который научает людей мудрости) и руками (чтобы «делать мудреные или искусные

вещи») [29, с. 381]. Все люди, в том числе короли, «рождаются глупыми» и только с годами приобретают ум и знания. Надо стремиться приумножить в людях мудрость, ибо она приносит им благо. При хорошем правлении мудрость умножается, науки расцветают. Мудрость несет людям богатство, славу, благо, правду. Невежество порождает суеверия, ереси и обман.

Мудрость, по Крижаничу, должна познать такие «наиважнейшие наивысшие вещи», как бог, небо, земля, человеческие нравы, законопорядки. Знание призвано дать людям понимание причин вещей. «Философ – врачеватель мудрости». Через причины «рачители мудрости» познают следствия, а через следствия черпают знания о причинах. Причины бывают творящие, материальные, формальные, конечные, происходящие и содействующие [29, с. 452]. Мудрость Крижанич делит на духовную и мирскую. Первая сводится к богословию, вторая включает в себя механику, математику, философию – любомудрие. В свою очередь философия состоит из логики (грамматики, диалектики, риторики и поэтики), физики (изучающей руды, камни, деревья, травы, животных и прочие видимые вещи) и этики (личной нравственности, или идиотики, экономии, или науки о ведении хозяйства, и политики, или науки об управлении народом).

Всякий «разумный муж» должен быть философом в тех делах, коими он занимается. Философствовать же значит, прежде всего, рассуждать о причинах вещей, а потому философия – не наука и не искусство, но скорее «тщательная и обдуманная рассудительность» в суждениях о вещах. Философское познание двояко – от причин к следствиям и от следствия к причинам. Причина определяется как то, из чего что-либо происходит, следствие – как то, что происходит из причины или из-за нее. К аристотелевским четырем причинам – формальной, целевой, действующей и материальной – Крижанич добавляет другие; например: помимо четырех причин, релевантных по отношению к горшку (гончар, глина, соответствующая форма, варка), он выделяет инструментальную причину (гончарный круг) и такую, как условие или повод для производства горшка. Как убежденный просветитель Крижанич никак не мог понять сторонников «несогласия»: «Не знаю, кто первым посеял на Руси столь ложный предрассудок, или мудроборскую ересь, по которой говорят: богословие, философия и языков учение несть ино, неже ересь» [29, с. 469].

В своей «Политике» Крижанич много уделил внимания отдельным историческим фактам, описанию нравов, обычаев, одежды, укреплению границ государства, необходимости объединения и совместных действий славянских народов против внешних захватчиков, осуждению «чужебесия», «хулы и клеветы» иностранных писателей на русский и на другие славянские народы. Крижанич развенчал легенду о скифском происхождении славян и варяжскую теорию происхождения русского государства.

2.4. СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Симеон Полоцкий (Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович) (1629 – 25. VIII. 1680) – один из видных деятелей восточнославянской культуры XVII в.,

писатель, поэт, богослов. Белорус по происхождению, получивший образование в Киево-Могилянской коллегии и, по некоторым предположениям, в Виленской иезуитской академии, Симеон Полоцкий навсегда переехал в 1664 году в Москву, где и развернулась его обширная литературная и общественная деятельность. По окончании курса наук он принял в июне 1656 года в православном Полоцком Богоявленском монастыре монашество с именем Симеон и получил должность «дидаскала» – учителя в «братской» школе при том же монастыре. Впоследствии, уже в Москве, к имени Симеона добавилось прозвище Полоцкий – по его родному городу. В научной литературе встречаются разночтения, касающиеся его отчества (Емельянович или Гаврилович), так и его фамилии (Петровский, Петровский-Ситнянович / Ситнянович). Установлено, что «двойным отчеством и фамилией он обязан отцу, которого звали Гавриил Ситнянович, и отчиму – Емельяну Петровскому.

Первое известное нам стихотворение Симеона Полоцкого «Акафист Богородице», датированное поэтом 1648 годом, относится ко времени его учебы в Киево-Могилянском коллегиуме. Творчество Симеона Полоцкого, раннего, так называемого «белорусского» периода, предстает в разнообразии поэтических жанров, тем и форм и включает в себя стихотворные переложения литургических текстов, декламации, диалоги, эпиграммы, то есть, стихи «на случай», в честь того или иного знаменательного события, праздника, панегирического приветствия, надписи к изображениям, стихи из ряда искусственной, «курьезной» поэзии, среди которых загадки, «эхо» с рифмующимися вопросами и ответами, макаронические с использованием нескольких языков, фигурные в форме креста, лучей, «раки», образующие один и тот же текст при чтении слева направо и справа налево, «лабиринты», или, иначе, «скрижаль многопутная» с многократно прочитываемой сакраментальной фразой и другие. Написанные на польском, латинском, белорусском языках произведения раннего периода свидетельствуют об усвоении автором норм «школьной» поэтики своего времени, а также о том, что мировоззренчески-стилевые основы его поэзии формировались внутри риторической традиции под воздействием художественного опыта польской и новолатинской литературы, которая, в свою очередь, многое унаследовала из средневековой латинской поэзии.

В биографии Симеона Полоцкого особо значим 1656 год, когда состоялась его встреча с царем Алексеем Михайловичем, определившая его дальнейшую судьбу. Вместе со своими учениками Симеон Полоцкий приветствовал стихами царя, прибывшего в Витебск, а затем в Полоцк в связи с началом русско-шведской войны. В 1660 году Симеон Полоцкий с «отроками» впервые прибыл в русскую столицу и выступил перед Алексеем Михайловичем с чтением декламации в Кремле. После возвращения города Полоцка Польше Симеон Полоцкий вынужден был покинуть родину и перебраться в Москву, где получил покровительство царя и поставил отныне свою многогранную творческую и литературную деятельность на службу интересам нарождающегося российского абсолютизма. В последствие, обращаясь к царю Федору Алексеевичу, он

вспоминал: «Оставих аз отечества, сродных удалихся, Вашей царской милости волей вручихся».

Симеон Полоцкий привез с собой плоды европейской учености – прекрасное знание языков: латинского, польского, белорусского, а также «семи свободных наук» из состава тривиума (грамматика, риторика, диалектика) и квадравиума (арифметика, геометрия, астрология, музыка). Обладая многосторонними знаниями и интересами, он являл собой тип универсального просветителя, всеобъемлющего деятеля. При дворе Алексея Михайловича Симеон Полоцкий получил признание как мудрейший «философ» и «пиит». Он принимал участие в государственных делах, в частности в работе церковного собора 1666 – 1667 гг., осудившего как расколоучителей, так и патриарха Никона, на основе материалов и постановлений собора составил книгу «Жезл правления», изданную Печатным Двором в 1667 году. Симеон Полоцкий занимался воспитанием и образованием царских детей будущего царя Федора Михайловича и царевны Софьи, привил им любовь к стихотворству. Когда же предстояло выбрать наставника для будущего царя Петра Алексеевича, будущего Петра Великого, то Симеону Полоцкому было поручено проэкзаменовать на эту роль дьяка Никиту Зотова. Симеон Полоцкий возглавил созданную при Приказе тайных дел первую в России школу нового типа, где обучал латинскому языку государственных чиновников – будущих дипломатов. Им разработан проект организации в Москве высшей школы (академии) по типу польских и западноевропейских университетов, положенный его верным учеником и другом Сильвестром Медведевым в основу «Привилея Славяно-греко-латинской академии» (1682 – 1685). В обход патриарха, под контролем которого находилась государственная типография – Печатный Двор, Симеон Полоцкий, пользуясь покровительством царя, завел в конце 1678 году в Кремле («вверху») типографию, свободную от церковной цензуры, где издавал свои сочинения. А также сочинения других авторов, привлекая к оформлению книг придворного художника Симеона Ушакова и гравера Оружейной палаты Афанасия Трухменского. Осознавая как одну из насущных проблем необходимость просвещения и воспитания общества, начиная с самых его верхов, Симеон Полоцкий издал в Верхней типографии «Букварь языка словенска» (1689). Книги «Тестамент Василия, царя греческого, сыну Льву» (1680), «Историю о Варлааме и Иоасафе» (1680). Книги проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная», работу над которыми автор завершил в 1675 и 1676 гг., которые были напечатаны уже после смерти автора в 1681, 1683 гг. под наблюдением Сильвестра Медведева. Перу Симеона Полоцкого принадлежит богословский труд «Венец веры православнокатолической» (1670). Результатом его лексикографических штудий явился составленный им польско-церковно-славянский словарь (хранится в Упсальской библиотеке, Швеция).

Новый тип культурного деятеля, какой являл собой Симеон Полоцкий, остро воспринимался представителями традиционного сознания как чужеродный и отождествлялся с не православным. Патриарх Иоаким осудил Симеона Полоцкого в характеристике, данной ему перед смертью, как «человека

мудрствовавшие латинская нововы мышления» и под страхом наказания запретил читать его сочинения.

Рукописи, хранившиеся у Сильвестра Медведева, были изъяты в патриаршей ризнице, были открыты миру только в середине XIX века, спустя два столетия после смерти автора.

Симеон Полоцкий оставил огромное литературное наследие, значительная часть которого остается в авторских рукописях и писцовых книгах. Не изданы полностью грандиозные книги «Рифмологии» и «Вертоград многоцветный», включающие не одну тысячу стихов. Симеон Полоцкий перенес в Россию культурные традиции, в которых сформировался как писатель. Он стал здесь первым профессиональным поэтом и основателем поэтической школы. Своим творчеством Симеон Полоцкий ввел русскую литературу в систему общеславянского и шире – европейского барокко, обогатив новыми видами творческого жанра, темами, средствами художественной изобразительности. Ее главным приобретением стали силлабическое стихотворство, получившее статус регулярной книжной поэзии и драматургии [30, с. 15 – 16]. Он впервые в России переложил в 1680 году стихами одну из библейских книг – Псалтырь – «Псалтырь рифмованная», которая тогда же была напечатана в Верхней типографии, а в 1685 г. положена на музыку дьяком Василием Титовым. Новизна литературного предприятия Симеона Полоцкого оценена представителями традиционного культурного сознания как посягательство на священность «бог вдохновенного» текста. «Псалтырь рифмованная», которую Ломоносов назвал среди прочих книг «вратами своей учености», положила начало традиции стихотворных переложений псалмов XVIII – XIX вв.

2. 5. АНДРЕЙ (ЯН) БЕЛОБОЦКИЙ

Андрей Белобоцкий – поэт и философ конца XVII – XVIII вв., польский шляхтич, появившийся в Москве в 1681 г., перешедший в православие и получивший в миропомазание имя Андрея, – оставил значительное литературное наследие. Ему принадлежат переводы трактатов «Уподобление Христу» Фомы Кемпийского; «Малое искусство» Раймонда Луллия, логико-философский трактат «Великая и предивная наука Богом преосвященного учителя Раймонда Луллия»; «Риторика»; «Книга философская»; стихотворный диалог «Краткая беседа Милости со Истиной» и поэма «Пентатеугум, или пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека», а также ряд других сочинений, найденных и атрибутированных в последнее время.

Однако среди известных нам сочинений Белобоцкого нет трактата «О безразличии церквей», приписанного ему архимандритом Филаретом. В действительности под таким название мог быть известен небольшой фрагмент «Исповедание веры» Яна (тогда еще не получившего имени Андрея) Белобоцкого, лишь недавно опубликованного. Однако эти несколько строк, занимавшие половину листа в польском переводе, как и в русском переводе «Исповедание веры», представленном в Крестной палате патриарха, вызвали

наиболее серьезные возражения как представителя «западной» партии Сильвестра Медведева, так и монаха Чудовского монастыря Евфимия, ревнителя истинного православия. При этом нельзя не заметить, что архимандрит Филорет точно уловил великий соблазн, содержащийся в этих немногих строках поляка, тогда еще только собравшегося перейти в православие и поступить на службу российскому государю. И что еще более важно, в его многочисленных переводах и сочинениях эти идеи получили глубокое и полное освещение.

Вот этот небольшой пассаж в русском переводе, принадлежащий, по крайней мере, частично, известному переводчику с греческого, латинского и польского языков – Феофану, ставшему позднее в 1683 году чтецом, а затем книгохранителем, и с 1693 г. и до смерти в 1698 г. справщиком Печатного Двора. Перевод был, по всей видимости, выправлен Сильвестром Медведевым.

«Исповедую, яко аще и разны суть уставы греческия и костела римского, обаче кто разсудити не может, которая истиннейшая и безбеднейшая вера, спасен во обоих бытии может. Но кому Бог в сердце толцает, да лучше сию соизволит, нежели иную, не может бытии известен о спасении своем: понеже противится Духу Святому. Еже убо Павел святыи повествует, и Афанасий святыи утверждает: яко единою токмо верою спасение душ наших обрести можем (Гал. 2. 16). Сице разумею: яко единая вера нарицается, аже согласно все догматы от бога самого, и Апостолов святыи преданныя содержит. Ибо аще ли о единой вере, не токмо по основании веры, но и по уставам или преданиям согласным во всем, глаголати требовательно: во оно время тако едина вера будет, всегда по дни суда последнего, будет уже един пастырь и едино стадо (Ин. 10. 16)».

Существо воззрений Белобоцкого передано достаточно точно, чему свидетельствует оригинальный перевод с польского текста, сохранившегося в рукописях, подтвержденного автографом Белобоцкого.

По всей вероятности, эту мысль о «безразличии» церковей для спасения, гораздо основательнее других развил Белобоцкий во время допроса в Патриаршей Крестовой палате, в присутствии патриарха Иоакима 18 мая 1681 года. Текст этого устного высказывания Белобоцкого не сохранился, зато имеется подробное разоблачение его религиозных суждений. Ответ был основателен, по всей видимости, представленный Сильвестром Медведевым. Так вопросу о «безразличии церковей» уделяется значительно большее внимание, и мы, благодаря усилиям обличителей, располагаем более ясным и подробным изложением взглядов Белобоцкого на возможность спасения в двух исповеданиях христианства.

Отвечая на устные высказывания «иноземца Яна Белобоцкого», Сильвестр Медведев приводит главное и опасное суждение: «Поведает он, что в римской, и в греческой вере спастися можно; для того же он, исповедая в римской вере спасение бытии, греческие желает? И zde его явная лесь».

Далее он подробно разбирает высказанные в устном вопрошении требования к верующему, переходящему из католичества в православие или из православия

в католичество. «Он же изрек: которые де люди, будучи в греческой вере, а держа римскую веру упорно, и те спаситесь не могут; также и римляне, которые держат греческую веру упорно, спаситесь не могут». Как нам представляется, в этом случае Белобоцкий имеет в виду именно тех «выходцев» из одного исповедания в другое, которые сохраняют при этом «прежнюю» веру: именно они, как позднее уточняет Сильвестр Медведев, держат прежнюю веру «упорно», т.е. «крепко» и в этом случае подпадают под подозрение в искренности своих убеждений. Таким образом, православные, которые «держат римскую веру упорно, спастись не могут». Как нам представляется, в этом случае Белобоцкий имеет в виду именно тех «выходцев», которые «крепко держат» и в этом случае подпадают под подозрение в искренности своих убеждений. Таким образом, православный, который «держит римскую веру упорно» (а таких немало было в Польше после Люблинской унии) или католик, оказавшийся в такой же ситуации, не может быть уверен в своем спасении.

Однако, в дальнейшем изложении, Сильвестр Медведев придерживается совершенно иной точки зрения, которую и приписывает Белобоцкому: «И тем он являет, что будто некоторые люди греческой веры, а будут держать хотя и римскую веру, только неупорно, и те спастись могут; также и римляне, которые хотя будут держать и греческую веру, а неупорно, и те спастись могут; а которые римляне будут греческую веру держать упорно, и те не спасутся. Прежде сказал, что точию изо всех вер единая истинная вера греческая и кроме ея спастись не возможно, а zde возможен. И zde он, Белобоцкий, всем отрицает спасение, которые от римской веры приступают к греческой и ону веру крепко держат; но тем только спасение в ней признает, которые ту греческую держать будут неупорно, то есть некрепко». Подобное истолкование слов Белобоцкого звучит, по меньшей мере, странно: Какие бы ни были сомнения в искренности приезжего католика (или по доносу Павла Негребецкого, тайного кальвиниста), трудно представить себе, что, добиваясь перехода в православие, он заранее объявлял, что будет держать новую веру «не упорно» и «не крепко».

2. 6. ДМИТРИЙ ТВЕРИТИНОВ

Последним бурным всплеском древнерусского еретичества стала «новая догма» Д.Е. Тверитинова (1679 – 1750 гг.), возникшая в обстановке петровских преобразований. Это время было особенно благоприятным для вольнодумных брожений. Пример подавал сам царь, действовавший по внушению протестантских пастырей Немецкой слободы. Петр I с необычайной настойчивостью приучавший русское общество к пренебрежительному отношению к церкви, разрушал православные стереотипы и установленное мировоззрение. Он никогда не признавал себя в чем-либо виноватым, и в нравственном смысле и своей глубокой уверенностью в собственной правоте научил подданных не бояться церковного греха. Петр любил трактовать цитаты из Священного Писания, придавая им противоположный церковному православию смысл. Его неизменно оставлял равнодушным догмат Троицы, и

он предпочитал апеллировать к Богу вообще – единому и суровому. «Истинным благочестием» для него было «качать злодеяния». «Для Бога нет более приятной жертвы, как кровь беззаконников», – говорил он патриарху Адриану, отправляя на казнь стрельцов. И нигде он не упоминал Христа. Так на фоне церковных «кощунов» и политического сыска совершалась секуляризация государственной идеологии, приведшей, в конечном счете, к упразднению патриаршества.

Неудивительно, что с началом европеизации зарождаются бесчисленные ереси, нередко доходившие до прямого атеизма. Об этом, в частности, писал сторонник Петра, известный публицист И.Т. Посошков: «...Неции из нас (православных) глаголют и не токмо глаголят, но и стоят в том, яко несть на свете Бога, но сей свет сам по себе стоит; несть у него ни создателя, ни владетеля, но мы-де сами и всем светом владеем; и кой-де человек умен, той умно и живет, а кой глуп, той глупо и живет. И все-де человецы, пока живы, то их приобретение, а егде-де кто умрет, тут ему и конец весь, и ни царствия небесного, ни муки вечные, ни воскресения мертвых не сказуют; но егде-де умер да сгинул, тут де ему и конец весь». К сожалению, автор не приводит имен еретиков, однако примечательно, что он ставит их вольнодумство в прямую связь с учением Коперника: «Проклятый Коперник, Богу суперник, тот творительный глагол Божий спорит», то есть оспаривает божественное сотворение мира.

Ересь Дмитрия Тверитинова, возникшая в те же годы, не отличалась особым мировоззренческим радикализмом, но, тем не менее, характеризовалась последовательной антицерковной сущностью.

Настоящая фамилия еретика была Дерюжин Дмитрий Евдокимович. Он происходил из чернослабодского града Твери, отсюда его новое прозвание – Тверитинов. В 1692 г. двадцати двух лет, он приехал в Москву, и первое время жил «в самой мизирности», едва выживая. Сначала подрабатывал у разных иноземцев, потом поступил учеником аптекаря в Немецкую слободу. Выучился цирюльному делу, составлению лекарств и лекарскому искусству. Тогда же овладел латинским языком и познакомился с разными христианскими течениями. Больше всего ему понравился протестантизм, и он, «совратившись с праведного пути, утверждает в ереси Мартина Лютера». Ересь Тверитинова вызвала появление двух обличительных сочинений: «Камня веры» Стефана Яворского и «Записки» Леонтия Магницкого.

Во главу угла своих воззрений Тверитинов клал принцип очевидности, доступности истины ощущениям. Поэтому он отрицал необходимость, какой бы то ни было, тайны или чуда в религии. Характерно его рассуждение об евхаристии. Создатель, говорил он, дал мне чувства, «а с теми данными мне от Бога чувствами, зрением посмотрю – оное тело Христово является мне хлеб же пшеничный, осязанием осяжу – является хлеб же пшеничный, вкушением спроблю, но и то являет ми хлеб пшеничный, а откуда у вас тело Христово – того не ведаю; так же и кровь, а по свидетельству данных мне чувств является красное вино, а Бог де нам дал чувства те не на прелесть, но истину

рассматривать». «Правая вера», по мнению Тверитинова, требует не ложных чудес, а добродетели. Нельзя преследовать, а тем более убивать человека за то, что он по-своему понимает Бога. Преследование за религиозное инакомыслие он считал не согласным с христианской заповедью любви к ближнему. С его точки зрения, угроза наказания никогда не исправляет человека. Страх лишь извращает его сущность, толкая на безнравственные поступки. Воспитание должно опираться на силу слова, убеждения. Поэтому Тверитинов отстаивал право на диспут, свободное выражение взглядов.

Следует заметить, что проповедь веротерпимости в его время, хотя и вызывала недовольство церкви, тем не менее, все более начинала находить поддержку в русском обществе. Преследование иноверцев, нетерпимое отношение ко всякому инакомыслию, светским знаниям тормозило процесс европеизации России, формирование новых социальных институтов.

Учитывая это, Петр I указом от 1702 г. открыто провозгласил свободу совести. «Мы, – говорилось в нем, – по дарованной нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневолить не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пешисть о спасении души своей».

Подобные новации, утверждавшиеся в русской жизни с петровскими преобразованиями, не могли не воодушевить всех здравомыслящих людей, которые активно принимали сторону науки, просвещения. К их числу относились и члены кружка Дмитрия Тверитинова.

Продолжая традиции древнерусского вольнодумства, они отрицали церковную иерархию, объявляли священнослужителей «лживыми пастырями», невеждами. Ни во что не ставили поклонение иконам, кресту. Противно натуре, говорил ересеучитель, почитать крест – дерево смертоносное; все это равно, что почитать меч, которым убит твой отец. Не надобны и иконы, ибо от них плодятся многобожие, идолопоклонство.

Столь же негативно отзывался Д. Тверитинов о святых: «До дня Страшного суда нельзя называть кого-либо праведным или грешным. Святые не бывали в аду, но не были также и в присутствии Бога, как и ныне». А значит, бессмысленно поклоняться святым и воздвигать в их честь храмы.

С этим связано и отрицание им посреднической роли церкви между Богом и человеком. «Я сам – церковь, – заявлял Тверитинов. – Всякий христианин находится в чину иерейства». Для него Христос был идеалом духовного наставника, учителя. Каждый может и должен стремиться к этому идеалу.

Совершенно неприемлемой для самосовершенствования представлялась Тверитинову патристика. Ее принятие он обосновывал тем, что «писания отцов не согласны между собой; отцы попрали один другого и прежних порицали за невежество». Только учение Христа единосущно и самоценно; в нем одном претворены высшие начала человеческого разума.

Таким образом, воззрения «нового московского философа», как именовали Тверитинова его противники, перекликаются с идеями отечественных еретиков XV – XVI вв., составляя своего рода их завершение на переломе русской истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, через Византию впервые в Древнюю Русь начали проникать философские идеи и отдельные произведения западноевропейских средневековых мыслителей. Эти произведения подвергались таким изменениям и такой переработке, что по существу приобрело вполне самостоятельное значение. Философские идеи, как правило, были облечены в религиозную форму. Большое место отводилось этическим учениям, отвечающим феодальным условиям. Наряду с этим передовые русские мыслители в XV – XVII вв. пытались постигнуть исторический процесс, их волновала судьба России. Своими выступлениями они стремились содействовать созданию централизованного русского государства. Некоторые из них поднимали свой голос в защиту угнетенного народа, осуждали рабство и холопство. В этом заключалось историческое значение философской и социологической мысли в России этого периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. – М.-Л.: Наука, 1950. – Ч .1. – 302 с.
2. Казакова, Н.А. Антифеодальные еретические движения в России начала XIV – начала XVI вв. / Н.А. Казакова, Я.С. Лурье. – М.: Политиздат, 1955. – 362 с.; Hoesch, E. Orthodoxie und Haeresie in alten Russland / E. Hoesch. – Wiesbaden, 1975. – 246 p.; Клибанов, А.И. Реформационные движения в России XIV – первой половины XVI в. / А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1960. – 354 с.; Рыбаков, Б.А. Антицерковное движение стригольников / Б.А. Рыбаков // Вопросы истории. – 1974. – № 3. – С. 135 – 160; Бегунов, Ю.К. Болгарские богомилы и русские стригольники / Ю.К. Бегунов. – Byzantinobulgarica, 1980. – 263 с.; Ангелов, Д. Българското богомилство и руското стриголичество / Д. Ангелов // Из средновековното българско минало. – 1987. – № 5. – С. 337 – 355.]
3. Макарий, митрополит. История русской церкви / митрополит Макарий. – М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1886. – Т. IV. – 464 с.
4. Тихонравов, Н.С. Отреченные книги древней России / Н.С. Тихонравов. // Сочинения. – Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1898. – Т. 1. – 357 с.; Веселовский, А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды / А.П. Веселовский // ЖМНП. – 1876. – № 5. Март. – С. 116 – 153; Успенский, Ф.И. Очерки по истории византийской образованности / Ф.И. Успенский. – СПб.: Издательство Александро-Невской Лавры, 1892. – 482 с.; Боцяновский, В.Ф. Русские вольнодумцы XIV– XV вв. / В.Ф. Боцяновский // Новое слово.– 1896. – № 12. Сентябрь. – С. 153 – 173; Боцяновский, В.Ф. Богоискатели / В.Ф. Боцяновский. – СПб.: Лествица, 1911. – 245 с.
5. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М.: Издательство политической литературы, 1985. – 320 с.
6. Седельников, А.Д. Следы стриголической книжности / А.Д. Седельников // ТОДРЛ. – Л.: Наука, 1934. – Т. 1. – 432 с.; Попов, Н.П. Памятники литературы стригольников / Н.П. Попов // Исторические записки. – 1940. – N 7. – С.– 25 – 37; Райнов, Т. Наука в России XI – XVII вв. / Райнов Т. – М.-Л.: Наука, 1940. – 368 с.
7. Казакова, Н.А. Новгородско-псковская ересь стригольников XIV – XV вв. / Н.А. Казакова // Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. – М.-Л.: Наука, 1955. – 327 с.; Клибанов, А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. / А.И. Клибанов. – М.: Издательство политической литературы, 1960 – 327 с.; Рыбаков, Б.А. Стригольники. Русские средневековые гуманисты XIV в. / Б.А. Рыбаков. – М.: АО «Аспект Пресс», 1993. – 428 с. Впрочем, как вынужден был признать сам Б.А. Рыбаков: «К сожалению, дальнейшее изучение стриголичества привело других исследователей к отрицанию его органической связи с синхронной им книжностью». (Указ. соч. С. 154).

8. Голубинский, Е.Е. История русской церкви / Е.Е. Голубинский. – М.: Мысль, 1900. – Т.1. – 475 с. В советской историографии это мнение поддерживал Будовниц, И.У. Русская публицистика XVI в. / И.У. Будовниц. – М.: Издательство АН СССР, 1947. – 385 с. Самый подробный критический обзор литературы о стригольниках (доведен до 1953 г.) составил Н.А.Соколов. Его труд не издан, рукопись хранится: РНБ. Ф. 1014. Ед. хр. 13 – 14.
9. Пронштейн, А.П. Великий Новгород в XVI в. / А.П. Пронштейн. – Харьков: ХГУ, 1957. – 385 с.; Хорошкевич, А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV – XV вв./ А.Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 1963. – 274 с.
10. Клибанов, А.И. Реформационные движения / А.И. Клибанов. – М.: АО «Аспект Пресс, 1994. – 368 с.
11. Поппэ, А.В. Еще раз о названии новгородско-псковских еретиков стригольниками / А.В. Поппэ // Культура Древней Руси. – М.: Наука, 1966. – С. 293 – 284.
12. Писцовые книги города Казани 1565 – 1568 и 1646 гг. – М.: Издательство АН СССР, 1932. – 372 с.
13. Карсавин, Л.П. Основы средневековой религиозности в XII – XIII вв. / Л.П. Карсавин. – Л.: ЭГО, 1997. – 274 с.; Ginzburg, C. Die Benandanti. Feldkulte und Hexenwesen im 16. und 17. Jahrhundert. / C.Ginzburg. – Hamburg, 1993. – 134 s. и др.
14. Зеленин, Д.К. Этимологические заметки / Д.К. Зеленин // ИОРЯС. – 1903. – Кн. IV. – С. 265 – 278.
15. Niederle, L. Zivot staryeh slovanu. 2 vyd, dil. II. sv. 1./ L. Niederle. – Praha, 1924. – 263 p.
16. Иванов, В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. / В.В. Иванов, В.П. Топоров – М.: Наука, 1974. – 342 с.; Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х томах. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 470 –473.; Топоров, В.П. Святость и святые в русской духовной культуре / В.П. Топоров – М.:МГУ, 1995. – 583 с. В отличие от В.П.Топорова, который полагает, что Стрибог и Даждьбог по своим функциям взаимодополняли друг друга, мы находим возможным говорить о их жесткой противопоставленности.
17. Толстой, Н.И. Христианизация как фактор усложнения структуры древнеславянской духовной культуры / Н.И. Толстой // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. – М.: Политиздат, 1987. – С. 41 – 79.
18. Андроников, В.А. О материалах по этнографии Костромского края, собранных местной Губернской ученой архивной комиссией (живая старина в Костромской губернии) / В.А. Андроников // Труды ярославского областного съезда. – М.: Печатный Двор, 1902. – С. 116 –137.; Власова, М. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. / М. Власова. – М.: БСЭ, 1998. – 538 с.
19. Виноградова, Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л.Н. Виноградова. – М.: Амрита – Русь, 2000. – С. 14, 22, 103, 230 – 231, 237, 243, 301.
20. Барсов, Е. Очерки мировоззрения и быта / Е. Барсов // Древняя и Новая Россия. –1876. –№ 11. – С. 223 – 235.

21. Мансветов, И.Д. Византийский материал для сказания о 12 трясавицах / И.Д. Мансветов // Труды Московского археологического общества. – 1881. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 9 – 19.

22. Соколов, М.И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками / М.И. Соколов // ЖМНП, 1889. Ч. ССLXIII, июнь. – С. 339 – 368; Зеленин, Д.К. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки / Д.К. Зеленин. – М.: Наука, 1995. – 260 с.; Данилов, В. К вопросу о русалках / В. Данилов, Д.К. Зеленин // Исторический вестник, 1912. – № 2. – С. 58 – 65. Большой материал по изучению русских заговоров был изучен исследователями в последние десятилетия. Укажем лишь две работы: Черепанова, О.А. Типология и генезис названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях / О.А. Черепанова // Язык жанров русского фольклора. – Петрозаводск: Знание, 1977. – С. 44 – 57; Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М.: Наука, 1993. – 364 с.

23. Тихонравов, Н.С. Отреченные книги древней России / Н.С. Тихонравов // Сочинения. – Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1898. – Т.1. – 357 с.

24. Ср.: Леванда, Ю.А. Сборник законов. История распоряжений по расколу // История министерства внутренних дел / Ю.А. Леванда, Н. Варадинов. – СПб.: Мин. вн. д., 1874. – Т. VIII. – С. 6:26 – 630. Сообщение архимандрита Григория. Чтения Московского общества истории и др. Систематический указатель / Архимандрит Григорий. – СПб.: Мин. вн. д., 1874. – С. – 584.; Буткевич, Т.И. Тамбовское сектантство. / Т.И. Буткевич. – СПб.: Храм свв. Космы и Дамианиана на Малоросейке, 1904. – 254 с.; Тифлов, М. О переселении сектантов жидовствующих в Палестину / М. Тифлов. – М.: Миссионерское обозрение, 1898. – 364 с.

25. Цит. по: Селянинов, А. Тайная сила масонства / А. Селянинов. – СПб.: Отечественная типография, 1911. – 294 с.

26. Буткевич, Т.И. Обзор русских сект и их толков / Т.И. Буткевич. – Харьков: Епархиальная Типография, 1910. – 254 с.

27. Варадинов, Н. История распоряжения по расколу // История Мин. вн. д., 1863. – Т. VIII. – С. 626 – 630.

28. Всеподданейший доклад об. прокурора Св. Синода 6 июля 1825 г.; ср. П. П. С. 3., XL, 30483 // Чтения при Моск. обществе ист. и др. – СПб.: Мин. вн. д. – Т. VIII. – 1874. – 670 с.

29. Крижанич, Ю. Политика / Ю. Крижанич. – М.: Политиздат, 1965. – 381 с.

30. Татарский, И. Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность / И. Татарский. – М.: Издание Московского Данилова монастыря, 1886. – 124 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	с. 3
Глава 1. Еретические учения	с. 3
1.1. Арианство	с. 4
1.2. Богомилство	с. 5
1.3. Стригольничество	с. 10
1.4. Ересь стригольников: вольнодумцы или колдуны?	с. 12
1.5. Жидовствующие	с. 18
1.6. Жидовствующие или субботствующие	с. 24
Глава 2. Представители религиозных ересей	с. 34
2.1. Курицын Федор Васильевич	с. 34
2.2. Феодосий Косой	с. 36
2.3. Юрий Крижанич	с. 39
2.4. Симеон Полоцкий	с. 42
2.5. Андрей (Ян) Белобоцкий	с. 45
2.6. Дмитрий Тверитинов	с. 47
Заключение	с. 50
Литература	с. 51
Оглавление	с. 54